

КОСТЁР

ISSN 0130-2574

11

НОЯБРЬ 1982

КОСТЁР

11

НОЯБРЬ

1982

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издаётся с 1936 года

© «Костёр», 1982 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

- Утренние колокола
отрывок из романа
В. Воскобойникова 6
- Стихи твоих ровесников 12
- Однажды в Шишкино весной...
повесть Т. Чинаревой 13
- Земля
стихи Тимура Убайдулло 22
- Снег на полях — хлеб в закромах
очерк В. Манзи 23
- Барабан 24
- На Крыше Мира
к 60-летию СССР 28
- Подарю сыну город
очерк А. Гостомыслова 31
- Торпеда
фантастический рассказ
Б. Никольского 34
- Морская газета 38
- Они пишут для вас 40
- Мастерок 42
- Школа будущих командиров 44
- Арчбек 46
- Спортклуб «Кузнечик» 47

На обложке рисунок
В. Лебедева

ЮНОСТЬ

Степан ЩИПАЧЕВ

Стала легендой, знаменем, песней,
рвущейся в завтрашние просторы,
юность дружинников Пресни,
юность матросов «Авроры».

Низко склонялась над картой, над книгой
чубом то рыжим, то русым,
юность отважных комбригов
и комиссаров безусых.

Флаг на сопке

Маленький поселок Хани ныне известен на всю страну. С его именем связана теперь одна из ярких страниц в истории строительства Байкало-Амурской магистрали. Когда рельсы достигли Хани, сами бамовцы назвали это главным событием года. Начался новый этап Всесоюзной комсомольской стройки. БАМ шагнул из Читинской в Амурскую область. Построено уже более 2400 км железной дороги.

На станции Усть-Нюкжа к деревянному зданию вокзала прибита табличка «6645 км от Москвы». Поезд остановился на конечной станции Центрального участка БАМа. Дальше нужно добираться на машине.

Раннее утро. По грунтовой дороге идут один за другим автомобили всех марок: от маленького «газика» до тяжелого «Магируса». Все спешат в Хани. Спешим туда и мы. Еще 140 км пути.

В Ханинской средней школе в тот день было только три урока. Но все равно спокойно выси- деть их очень трудно. Ведь главное сегодня — там, у реки, откуда доносится пыхтенье путе- укладчика, свист тепловоза и четкие удары мо- лотов, вбивающих в шпалы стальные костыли.

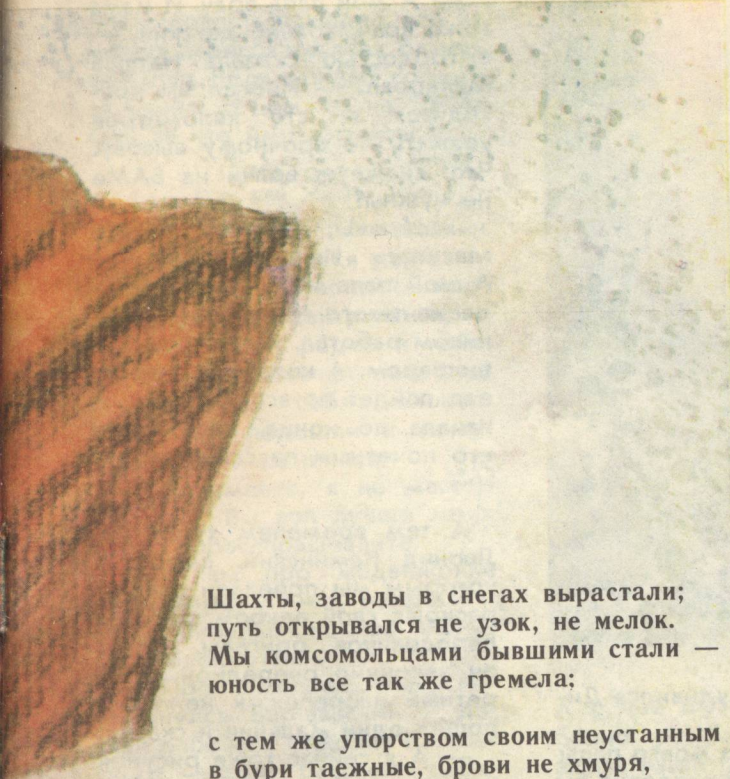
Пятиклассник Саша Шевачко не выдерживает и на перемене стучится в кабинет директора:

— Тамара Павловна, мы ведь опоздаем. Все ребята как на иголках.

— Ничего, ничего, успеете. Потерпите немно- го. До одиннадцати всех отпущу. — А когда Саша выходит, директор и сама с нетерпением по- глядывает на часы.

Есть на БАМе две бригады, про которые знают все. Даже те, кто в школу еще не ходит. Од- на — Александра Бондаря — прокладывает рельсы с запада на восток. Ее участок, кончаю- щийся пока поселком Кунерма, называют За- падным. Другая бригада — Ивана Варшавского — идет навстречу. И вот сегодня бригада Варшав- ского, досрочно, за пять дней до открытия XIX съезда ВЛКСМ, достигла поселка Хани. торже- ственный митинг был назначен на 11 часов.

Нам не повезло. Наш автобус приехал в Хани, когда митинг уже закончился. В небо взлетали разноцветные ракеты. Сам поселок, удиви- тельно красивый, со всех сторон окруженный сопками, розовыми от зацветающего багульника, сиял транспарантами и флагами. Даже на самой высо- кой сопке развевался большой флаг.

Шахты, заводы в снегах вырастали;
путь открывался не узок, не мелок.
Мы комсомольцами бывшими стали —
юность все так же гремела;

с тем же упорством своим неустанным
в бури таежные, брови не хмуря,
рыла первые котлованы
города юности на Амуре;

землю пахала, училась юность,
резала сталь, бинтовала раны,
бой приняла

в тот рассвет
в июне,
в танках горела, шла на тараны.

Юность к ребятам нагрянет быстро
и поведет по дороге верной,
если в ней будет хоть искра
юности той бессмертной.

1955

Там, где кончались рельсы и где полчаса назад закончился торжественный митинг, по-прежнему было много народа. Никому не хотелось расходиться. Незнакомые люди хлопали друг друга по плечу и улыбались. Рабочих из бригады Варшавского поздравляли, фотографировали и брали у них интервью.

А неподалеку несколько ребят рассматривали длинный путеукладчик.

— Вот это машина! — произнес Дима Белов. — Сама укладывает рельсы и сама же по ним дальше идет. Отец на такой работал.

— А мой папа — бурильщик, — сказала Света Аликина.

— Ну и что? — удивился Дима.

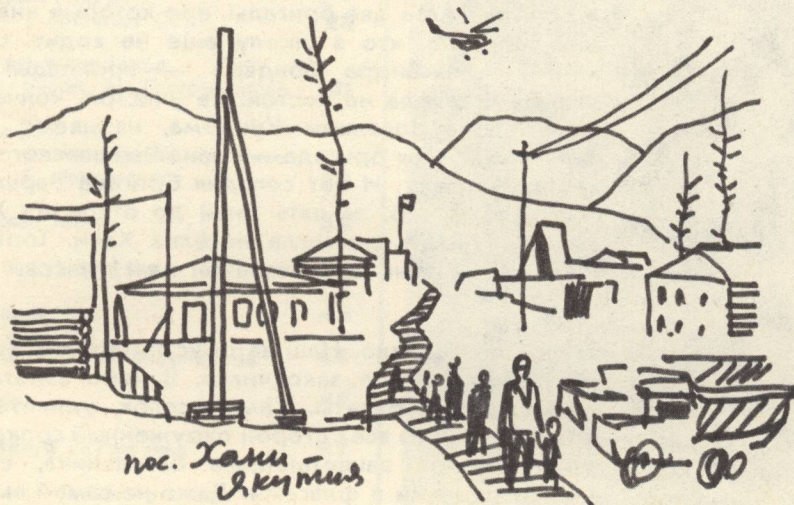
— А то, что без моего папы этот путеукладчик недалеко бы проехал.

— Это еще почему?

— Потому что на БАМе много труднопроходимых участков. На таких участках бурят скважины, закладывают туда взрывчатку. И после взрыва легче становится строить дорогу дальше. Понятно?

— Понятно, — сказал Алеша Асташев. — А мой папа строил Муртыгит и Могот. А теперь Хани.

— И мой строитель, — подхватил четвероклассник Миша Шейкман. — Нашу школу — это он строил.

— А мой папа врач. И мама тоже врач, только детский, — с гордостью сказала Наташа Макарова. — Иногда им приходится за сто километров уезжать по срочному вызову. Что, скажете, врачи на БАМе не нужны?

— Нужны, конечно, — согласилась Инга Егорова. — А мой папа на БАМе с семьдесят пятого года. Он и механиком работал, и плотником, и шофером. А когда первый поезд пойдет по всему БАМу от начала до конца, папа будет его почетным пассажиром.

А тем временем художник Леонид Каминский, вместе с которым мы приехали в Хани, раскрыв свой альбом, рисовал передовиков бригады. Когда он закончил очередной портретный набросок, к нему подошел один мальчик и сказал:

— А я сейчас тоже рисунок нарисовал. Это мой папа.

Художнику рисунок понравился. Он попросил мальчика отдать свой рисунок для журнала и в уголке написать свое имя и фамилию. Мальчик написал: «Петя Фирсов, 4 класс».

— Постой, постой, — сказал художник, — одного рабочего по фамилии Фирсов я тоже сегодня нарисовал, — и быстро отыскал в альбоме нужный портрет. — Случайно, не твой папа?

— Мой! — с гордостью ответил Петя.

Художник Каминский очень обрадовался такому совпадению. Он подошел к рабочим и сказал:

— Вот, посмотрите, как сын Фирсова отца нарисовал.

Но тут оказалось, что Фирсов — рабочий совсем молодой и что детей у него еще нет.

«Как же так? — огорчился художник. — Неужели Петя нарочно меня обманул!» А потом понял, что мальчик не виноват. Наверное, Петин папа тоже отличный рабочий. И Петя, конечно, уверен, что из всех бамовских Фирсовых Петин — самый лучший. И что нарисовать художник должен был именно его.

И художник пожалел, что не может нарисовать всех бамовских пап. Ведь каждый гордится своим отцом. А на БАМе есть за что ими гордиться!

Бригадир Иван Николаевич Варшавский старался держаться в стороне. На вопросы корреспондентов центральных и местных газет, радио и телевидения он отвечал неохотно и чувствовал себя неловко. Когда мы подошли к нему, Варшавский извинился:

— Понимаете, я не мастер говорить. Вы вон лучше моих ребят порасспрашивайте.

— А вы про медвежонка расскажите, — попросили вдруг окружавшие нас пионеры с блокнотами.

— Про медвежонка? — улыбнулся Варшавский и позвал рабочего Николая Кастовского. — Коля, расскажи ребятам про Яшку.

— Однажды весной, — начал Кастовский, — вся бригада с утра ушла на трассу. Одна повариха Нина осталась. Спустилась она к реке посуду помыть, а пустые банки из-под консервов в сторонку отнесла. Сидит на берегу, миски песком чистит да в реке споласкивает. Хорошо на реке, красиво, сопки зазеленели, солнце стало наконец землю греть. Вдруг обернулась наша Нина, да так и обмерла. Идет к ней, покачиваясь и рыча, не то зверь, не то робот. Сам весь лохматый, а вместо головы жестяная банка. Закричала повариха со страху, посуду бросила и бегом к поезду. Прыгнула в вагон и дверь на защелку. А чудовище за ней. Ходит по насыпи, в дверь скребется, рычит.

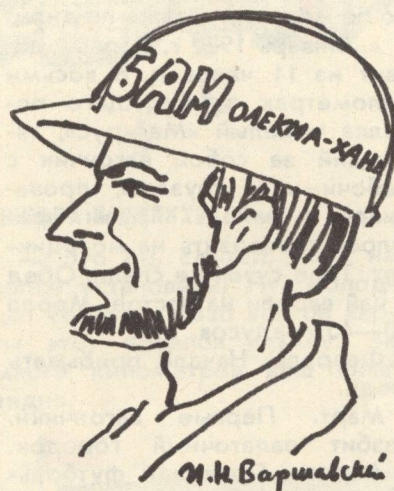
А тут как раз мы на обед возвращаемся. Что это, думаем, за чудо-юдо такое вокруг поезда ходит? Подбежали к нему, банку с головы сняли, а это — медвежонок. Убежал медвежонок снова в лес, даже спасибо не сказал.

Ну, мы посмеялись над нашей поварихой, а потом задумались. Где медвежонок, там и медведица должна быть.

А с ней шутить опасно. Особенно ранней весной, когда зверь из-за голода злой.

Назавтра ушли мы опять на трассу, а с Ниной двух ребят оставили. На всякий случай. Стала Нина обед варить. Каша в котле булькает, тушенкой далеко пахнет. Видят ребята, опять медвежонок бежит. Подбежал прямо к кухне, сел на

землю и носом поводит, облизывается. Пожалели его, покормили, а он на следующий день снова явился. Привыкли мы к нему. А медведицу, наверно, охотники убили.

Весна кончалась, километр за километром ложились рельсы все дальше на запад. За

путеукладчиком двигались вагоны, где мы живем. А за нами шел Яшка. Так мы медвежонка прозвали.

Летом Яшка вырос. Борься полюбил. Бывало, поддашься ему, упадешь на спину, а он стоит над тобой и смеется.

— Как смеется? — удивилась Инна Зеленская.

— Обыкновенно. Стоит, весь довольный и пасть до ушей.

Ребята тоже засмеялись.

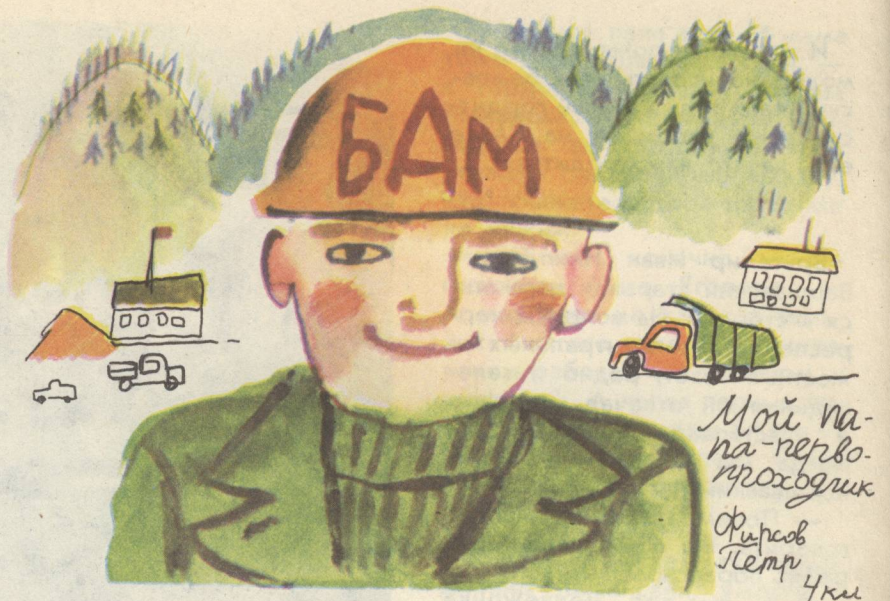
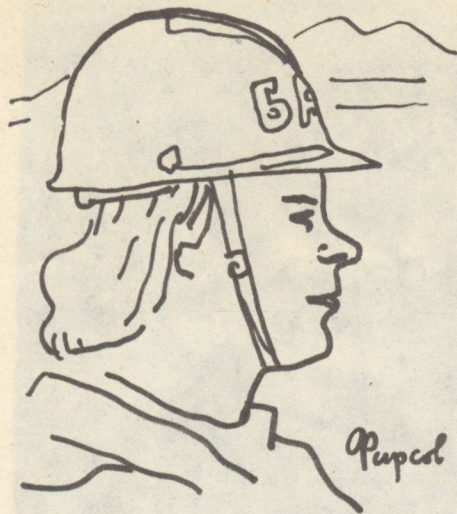
— А дальше что? — спросил Женя Светиков.

— Вот в том-то и дело, что мы и сами не знали, как дальше быть. Совсем взрослым скоро медведь станет, куда его девать? А в лес прогнать жалко: привык он к людям и в лесу погибнуть может. И написали мы письмо в цирк. Мол, так и так, не нужен ли вам ручной медведь. Из цирка быстро ответили. Медведь им очень нужен. Директор цирка нас благодарил и обещал осенью прислать за медведем специальный вагон.

Николай Кастовский помолчал и вдруг перестал улыбаться.

— Ну, а дальше не стоит рассказывать.

— Почему не стоит! — заволновались ребята. — Рассказывайте дальше!

— Дальше, ребята, грустная история. Поступили к нам в бригаду два типа. Видно, лишь за длинным рублем они на БАМ приехали. Увидели они медведя, и захотелось им медвежатины попробовать. В общем, когда мы были на трассе, взяли они ружье и застрелили Яшку...

Пионеры молчали. У девочек в глазах застыл ужас, а у мальчишек невольно сжались кулаки.

— ...Вернулись мы и, когда узнали все, чуть самосуд не учинили. Сдержались, хоть и нелегко это было. В тот же вечер провели экстренное комсомольское собрание и выгнали этих двоих к черту из бригады.

— А где же сейчас эти двое? — угрожающим шепотом спросил Женя Светиков.

— Попросились они в одну бригаду, в другую. Не хотят их принимать. Повсюду за ними их слава дурная шла. Так и не смогли никуда устроиться. И теперь их нет на БАМе.

— Так им и надо! — выкрикнул кто-то.

— Конечно, — кивнул Кастровский. — Не для того мы дорогу строим, чтобы жестокие люди здесь жили. На БАМе им нет места!

Когда ребята немного успокоились, мы спросили:

— А что, вы уже слышали эту историю с медвежонком?

— Слышали, но нам нужны были подробности, — ответила председатель совета дружины Инна Зеленская.

— Для чего? Для заметки?

— Для летописи. Хотите нашу летопись почитать?

И мы пошли все вместе в школу.

Инна рассказала, что пионеры уже давно ведут летопись Хани и показала нам большой альбом. Здесь были собраны фотографии первых десантников, их рассказы, грамоты. Рождение поселка прослежено по месяцам и даже по дням.

«...Январь 1979 г. Первый десант из 11 человек. В восьми километрах от будущего поселка тяжелый «Магирус», тянувший за собой вагончик с рабочими и грузами, провалился в наледь. Грузы пришлось перевозить на мотоциклах. Трое суток не спали. Обед и чай варили на костре. Мороз 30—40 градусов.

Февраль. Начали прибывать люди.

Март. Первые вагончики. Разбит палаточный городок.

Апрель. Проведен футбольный матч на замерзшем озере Гальян.

Май. Построен первый дом.

Июнь. Построен мост через реку Хани. Выпечен первый хлеб...»

Последняя запись в альбоме была сделана всего несколько дней назад:

«Пятый класс писал сочинение на тему «Мой поселок».

Наташа Гончарова свое сочинение написала в стихах:

Мы живем в поселке Хани,
Он находится на БАМе.
Окружен он весь горами
И течет здесь речка Хани...»

Женя Светиков и Саша Шевачко стихи сочинять не умели. Хотя поселок свой любили не меньше Наташи Гончаровой. Но, как назло, слова в сочинении выходили какими-то сухими, скучными.

На перемене Женя сказал:

— Словами разве все объяснишь. Вот если б сделать что-нибудь такое, чтобы все тебя заметили. Чтобы увидели, какой ты для поселка нужный человек.

— А давай на Слона залезем, — предложил Саша.

Слоном называлась самая высокая сопка. За сходство со слоновьей головой.

— Зачем? — вздохнул Женя. — Кому это нужно? Да нас снизу и не увидит никто.

— Так мы ведь не просто так полезем. Мы флаг с собой возьмем.

— А что — это идея! — обрадовался Женя Светиков. — Флаг-то все увидят.

Флаг раздобыли в клубе. После уроков быстро сбежали домой переодеться и вскоре были уже у подножия сопки.

Сначала идти было легко. Но через час подъем стал круче. Подошвы ботинок вязли в

мелком гравии, который с шумом уползал вниз. То и дело приходилось карабкаться на гранитные скалы. Саша взглянул вверх и приуныл: до вершины было еще очень далеко. А поселок внизу стал вдруг игрушечно-маленьким.

«Наверно, зря мы все это затеяли», — подумал Саша и посмотрел на друга. Женя с флагом упорно карабкался по склону. Саша вздохнул и снова полез следом.

Еще через час сделали остановку. Тяжело дыша, сидели на большом камне. Они уже были выше многих сопков, горбато уходящих к горизонту. На некоторых сверкали ледяные шапки.

— Скажи, красиво! — выдохнул Женя.

Саша кивнул. Он очень устал, но изо всех сил старался не показаться слабаком.

Совсем недалеко от них со свистом и грохотом проплыл вертолет и кругами пошел на посадку. Ребята узнали знакомого пилота.

— Почту привезли, — сказал Женя. — Ну, пошли, а то скоро темнеть начнет.

Саша встал. Ноги казались ватными. Колени предательски подрагивали.

— Дай-ка мне флаг, — сказал Саша, — теперь моя очередь нести.

...Позже Саша признался, что не будь у него этого флага с тяжелым длинным древком, он, может быть, и не поднялся бы до вершины. Он вдруг почувствовал себя знаменосцем, а знаменосцу ведь отступать нельзя.

Через пару часов ребята покидали вершину. Прочно закрепленный проволокой, на

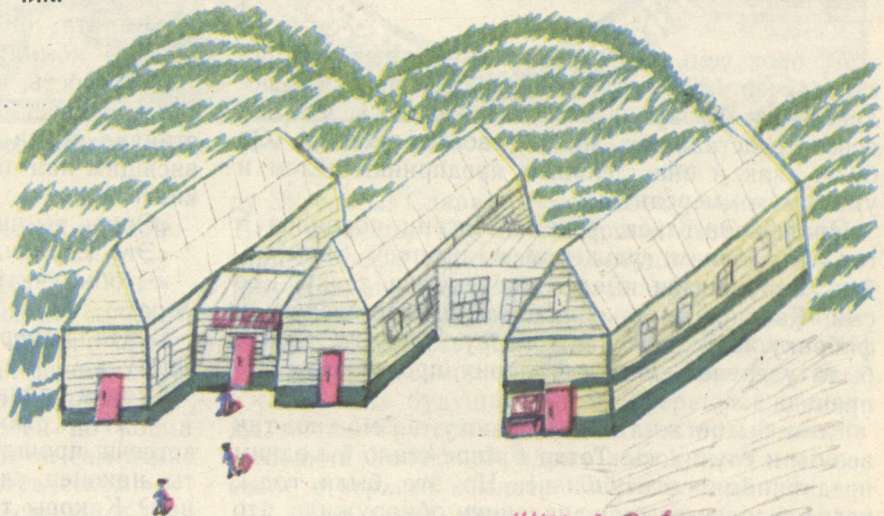
МОЙ ПАПА ШОФЕР.

огромном валуне развевался и хлопал большой красный флаг.

...Дома им, конечно, попало. А через пару дней к ребятам подошел знакомый вертолетчик.

Инна Тищенко, 5 класс, поселок Хани

...Вечером мы уезжали из Хани. За рекой дорога свернула в сторону, и поселок скрылся за холмистым хвойным лесом. Но, оглядываясь назад, мы еще долго видели вершину самой высокой сопки в посел-

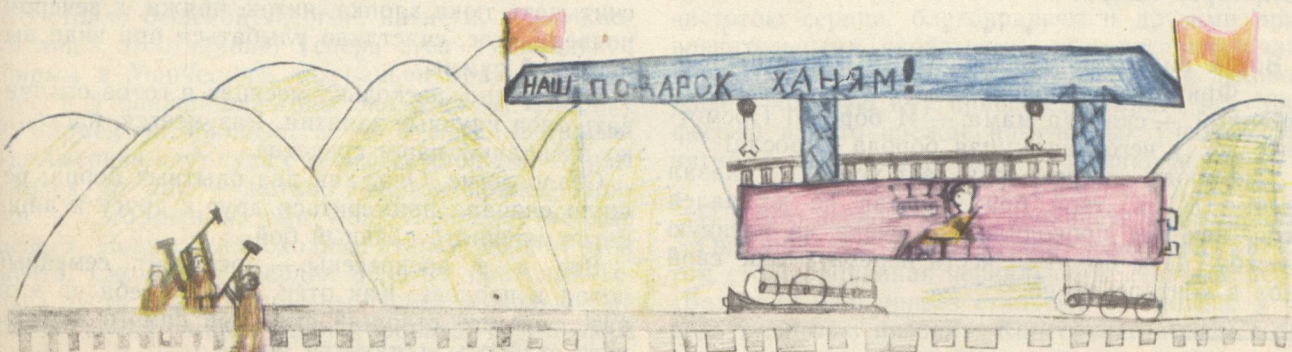
ШКОЛА В ДИПКУНЕ

ШКОЛА В ДИПКУНЕ.

— Это вы, слышал, флаг на сопке установили? Ну, молодцы! Теперь я безо всякой карты этот поселок отыщу. За много километров ваш флаг видно.

Саша Дзюба, 6 класс, поселок Дипкунке. На ней, освещенный закатным солнцем, пылал красный флаг.

С. МАХОТИН
Рисунки Л. Каминского
Фото В. Лактионова

ВПЕРЕД, ПУТЕУКЛАДЧИКИ!

Женя Алехин, 4 класс, поселок Хани

УТРЕННИЕ КОЛОКОЛА

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

В августе, в два часа ночи, в небогатом доме на лондонской улице Маркс писал письмо Энгельсу:

«Дорогой Фред!

...Итак, этот том готов. Только тебе обязан я тем, что это стало возможным! Без твоего самопожертвования ради меня я ни за что не мог бы проделать всю огромную работу по трем томам.

Обнимаю тебя, полный благодарности...

Привет, мой дорогой верный друг!

Твой К. Маркс».

Главный труд жизни — первый том «Капитала» был закончен, и Маркс торопился обрадовать друга.

А сорок семь лет назад, в слякотный ноябрьский вечер 1820 года, родителям только что родившегося Фридриха Энгельса казалось, что они ясно представляют жизнь своего ребенка. Он будет, как и они, дельным предпринимателем и умелым коммерсантом.

Прадед Энгельса, рыжий Иоганн появился в городе с одним гульденом в дырявом кармане, а к концу жизни имел мастерскую и лавку. Его сын Каспар Энгельс превратил мастерскую в фабрику, а лавку — в торговую фирму. Семья была уверена — юный Фридрих продолжит дело прадеда.

Если бы он жил в иную эпоху, возможно, так все бы и случилось. Тогда в мире стало бы одним предпринимателем больше. Но это были годы, когда человечество с удивлением обнаружило, что появился новый мощный класс людей — пролетариат. И никто не знал, что уже растут два человека, которые, объединившись друг с другом, дадут новому классу великое учение, необходимое для революционной перестройки жизни.

О жизни Фридриха Энгельса, о жизни яркой, полной открытий, борьбы, потерь и побед рассказывает книга «Утренние колокола», с отрывком из которой вы сейчас познакомитесь.*

* * *

Вот и родной дом — добротный, трехэтажный.

— Фридрих, родной мой! Какой ты стал мужественный, — сказала мама. — И борода! Посмотрите же, у него настоящая борода выросла!

— Борода не грех, если даст успех! — сказал отец. — Жаль, твой брат Герман не дождался тебя, как раз проводили его вчера на военную службу. А то бы имел честь передать тебе свой стол в конторе лично.

А рядом уже взрослая девушка, сестренка Мария. Фридрих знает, что она готовится замуж. И с женихом знаком, Эмилем Бланком, молодым лондонским купцом. О том, что Эмиль Бланк, как и Фридрих, мечтает забросить коммерцию, потому что сочувствует социализму, Фридрих решил молчать.

А вот и младшие сестры — тоже почти взрослые девушки. И младшие братья.

— Ну-ка, несите бегом свои тетради, похвастайте старшему брату оценками!

Но тут вступилась мама.

— Боже мой, дайте ему хотя бы присесть с дороги, умыться! Твоя комната, Фридрих, ждет тебя.

Комната его наверху. Она и не комната даже — комнатушечка! Неужели это она, родная его крепость, где удавалось прятать от отца увлекательнейшие книги и где по два часа отстаивал он на коленях перед черным распятием, висящим над дверью, если отец обнаруживал эти книги.

«Опять ты читаешь какие-то дрянные пьески!»

«Это Еврипид, отец, они на древнегреческом!»

«Чтобы учить древнегреческий, достаточно Гомера!»

Будто Гомер существует лишь для обучения языку...

Отец и сейчас поднялся по лестнице.

— Итак, мой сын, когда радостные минуты встречи прошли, я хотел бы знать, осознал ли ты, наконец, глубину своих юношеских заблуждений? Каковы твои планы?

Что лучше: прикинуться овечкой: «осознал, виноват, исправлюсь», или наоборот, сразу на скандал: «ваши убеждения мне отвратительны». Или лучше промолчать?

— Хотел бы месяца два позаниматься науками. А потом, если ты позволишь, хотя бы год поучиться в университете.

Отец недовольно кивнул головой. По его бы хотению завтра с утра в контору, весь день подсчитывать тюки хлопка, ниток, пряжи, а вечером, подведя итог, счастливо улыбаться при виде вырученной суммы...

— Хорошо, несколько месяцев я готов оплачивать твои научные занятия. Разумеется, насколько позволяют наши средства.

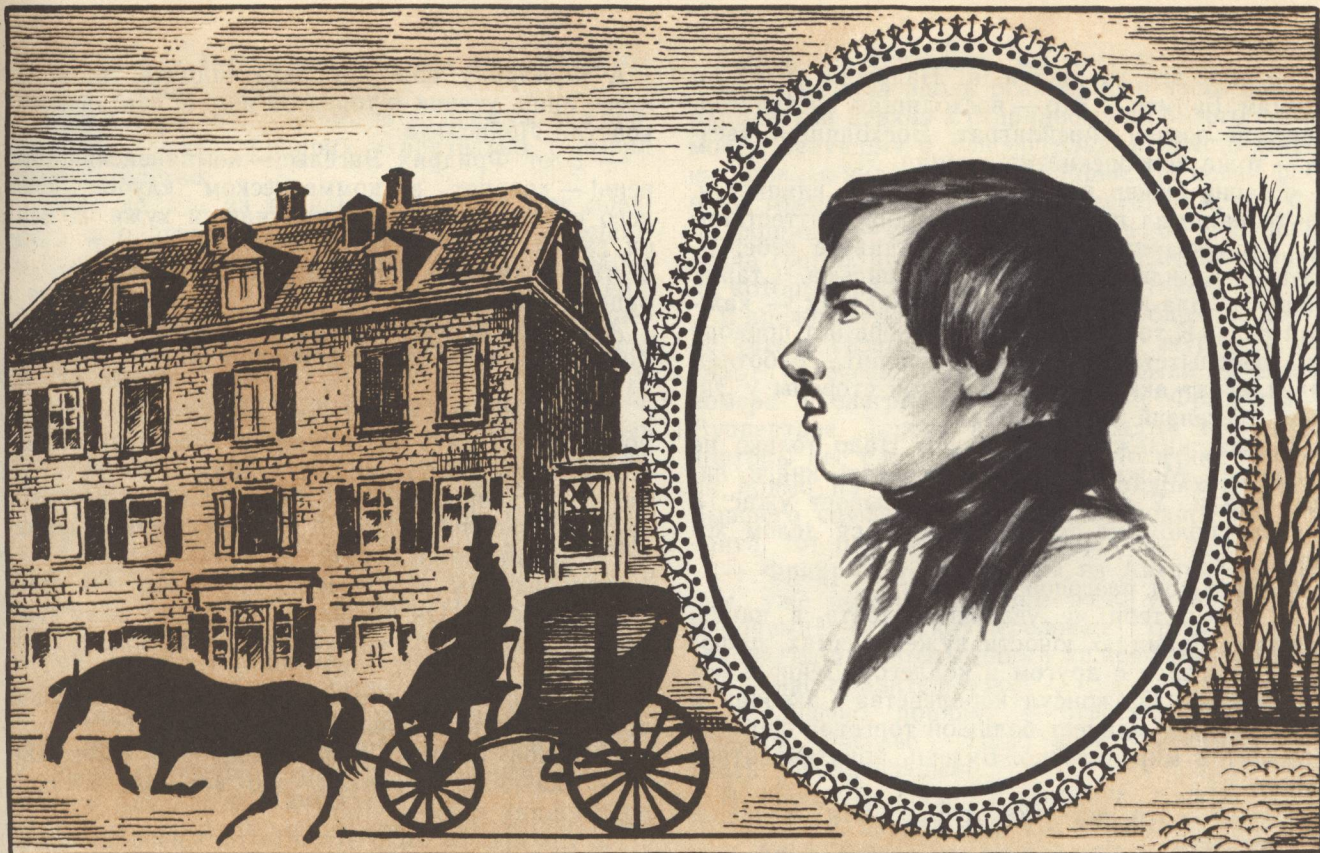
Стало легче. Они, как два опытных борца, решили сначала примериться друг к другу и лишь потом начинать главный бой.

Вот и в воскресенье — предстоит семейный поход в церковь. Как отец поведет себя на этот раз, если его старший сын, сын самого церковного старосты, останется дома?

Тут уж Фридрих не уступит.

* Книга «Утренние колокола» выйдет в 1983 году в издательстве «Детская литература».

Ф. ЭНГЕЛЬС, портрет 30-х годов XIX века

* * *

Боль от несправедливости, перенесенная в юности, не забывается никогда...

Фридрих помнил тот час триумфа.*

...На гимназическом вечере он читает древний гекзаметр «Поединок Этеокла с Полиником»... Над сценой ярко горят три газовых фонаря. Они слегка жужжат, но чеканный древний ритм стихов летит над головами слушателей до конца зала. Все удивлены: «Как, неужели он сам сочинил эти стихи и притом на древнегреческом!»

Счастливое лицо учителя словесности Клаузена:

— Вы талант, Фридрих, и я горжусь тем, что воспитал вас! Я не боюсь вам это сказать именно потому, что вы — настоящий поэт!

А утром тяжкая новость. У отца тоже свой праздник.

После раздела состояния между тремя братьями, Энгельсами-старшими, отец обеднел вдвое. Но он сумел выкрутиться из сложного положения, это стоило бешеной энергии, натиска, возможно лишь от отчаяния. Теперь отец — совладелец фирмы в Манчестере, компаньон братьев Эрменов, а в ближайшие годы они откроют фабрику в Бармене и поблизости — в Энгельскирхене. Из Америки идут суда с дешевым хлопком. «К нам хлопок, от нас — нитки, дешевая пряжа. Пряжа — это деньги, сын мой. Хорошие твердые деньги. Новые быстроходные станки, сын, — моя мечта. Сколько я твердил об этом братьям! Теперь пусть каются, упрямы. Через несколько лет наша семья станет дирижировать германским рынком. Да что там Германия! Филиалы в Америке, Индии, во всех европейских странах — всю-

ду Энгельсы! Слава богу, сыновей у меня немало. Ты поможешь, ты у меня старший. Довольно протирать штаны в гимназии, забудь своих, как их там, Полиников и Этеоклов. С завтрашнего утра ты — конторский служащий. Ученик в фирме «Эрмен и Энгельс». Я и жалованье тебе положил».

Одно утро, самое обыкновенное осеннее утро — и разрушена будущая жизнь, вчерашние надежды, мечты. Растерянное лицо директора гимназии господина Ханчке. Фридрих жил у него на пансионе в верхней комнате. Почти родной сын.

— Я пытался убедить вашего отца, мой мальчик, но он неуступчив.

Изящным почерком, славящимся на весь Вупперталь, директор выводит готические буквы в аттестате, а потом, не удержавшись, делает в документе приписку:

«Нижеподписавшийся расстается с любимым учеником, который был особенно близок ему благодаря семейным отношениям и который старался отличаться в этом положении религиозностью, чистотой сердца, благонаравием и другими привлекательными свойствами, при воследовавшем в конце учебного года... переходе к деловой жизни, которую ему пришлось избрать как профессию вместо прежде намеченных учебных занятий, с наилучшими благословлениями...»

Д-р И.-К.-Л. Ханчке».

И с того первого дня — ненависть к коммерции. Он, Фридрих, — конторская крыса! На затертом столе оловянная чернильница, стальное перо. «Батюшка ваш привез стальные из Англии, а то ведь гусиными писали». Конторские книги: с зеленой обложкой — входящие записи, к нам, с синей — от нас. Так ежедневно и на всю жизнь!

Но есть все же надежда! Надежда ходит по лицам Бармена. Это — восходящая звезда германской поэзии Фрейлиграт. Восходящая звезда — тоже конторский служащий.

«Старик Эйнер не ожидал, что так вяпается. Он-то нанимал приказчика с хорошей аттестацией, а приказчик оказался, представьте себе, — поэтом! Каждый день получает письма. Старик Эйнер — раз в неделю, а его приказчик — каждый день! К тому же старику теперь нет проходу от любопытствующих. Но говорят, работник Фрейлиграт аккуратный, и с этой стороны у Эйлера претензий к нему нет».

Значит, надежда существует. Надо только не сдаваться. Можно и в конторе читать книги, писать стихи. У служащих это вызывает ужас: в конторе положено только заниматься делом хозяина!

А через год разговор с отцом:

— Вижу, тебя не увлекает работа в нашей конторе. Понимаю, юности нужен размах, широта. Я списался с другом и коллегой Лейпольдом из Бремена. Он консул королевства Саксонии и одновременно владеет большой торговой фирмой. Сбывает в мир полотно. Будешь практиковаться у него.

Бремен — это все-таки лучше, чем жизнь в Вуппертале.

Бремен — это большая гавань, корабли со всего света, а главное — книги. Свободная продажа книг. А в книгах — слова: право, свобода, конституция! В Вуппертале слова эти произносить неприлично, они — будто ругательства. А здесь они горячат голову и сердце, здесь он постоянно натывается на них в книгах, потому что сам их отыскивает. Якоб Гримм, знаменитый профессор, которого Фридрих изучал в гимназии, отказывается присягать новому королю, потому что он уже присягнул перед богом в верности конституции. Якоб Гримм хочет называться гражданином, а не королевским подданным, и о том печатает защитительную речь. Фридрих читает ее в бременской книжной лавке, не отходя от стойки. А рядом — карикатура на ганноверского короля: «король — козел». Оказывается, можно думать свободно, жить независимо.

И каждый месяц — новые открытия. Писатели «Молодой Германии». Власти их поносят, а они стойко издают «Германский телеграф». И Фридрих пишет первую статью: «Письма из Вуппертала».

«...Работа в низких помещениях, где люди вдыхают больше угольного чада и пыли, чем кислорода, — и в большинстве случаев, начиная уже с шестилетнего возраста, — прямо предназначена для того, чтобы лишить их всякой силы и жизнерадостности.

...Но у богатых фабрикантов эластичная совесть...»

В Бармене, Эльберфельде журнал со статьей рвут из рук, перекупают за огромные деньги. Грозят неизвестному автору, скрывшемуся за псевдонимом, предлагают пойти с обыском к поэту Фрейлиграту, учителю Клаузену: а ну как они — авторы?

А Фридриху еще нет девятнадцати, и он — всего лишь ученик в торговой фирме саксонского консула Лейпольда.

— Этот Фридрих Энгельс — компанейский парень! — говорят в коммерческом клубе. — Без него и пение за столом получается хуже. А как он газеты читает! На любом языке может прочесть! И гарцует на коне — заглядишься, и на рапирах — первый!

А еще были новые открытия. Вслед за «Молодой Германией» статьи революционного эмигранта Берне.

«...От государя я жду чего-либо хорошего только тогда, когда у него гудит в голове от пощечин, которые он получил от народа, и когда стекла в его дворце выбиты булыжниками революции», — писал Фридрих о царствующем монархе после чтения книг Берне.

Фридрих сам чувствовал, что слова его приобретают силу. Он писал в «Телеграф» одну статью за другой. И читала их вся молодая Германия.

А Фридрих уже перешел к Гегелю, к спорам вокруг него, к новейшей философии.

Богослов Штраус проанализировал евангельские сказания и заявил, что все они — мифы позднейших времен.

Не так просто было это понять. Свобода — да. Право — да. Конституция — тоже да. Но религия? Она же с рождения и до смерти! Едва родился — окрещен, умираешь — причастие. И так много веков, вся Европа!

Прощание с религией было мучительным. С болью в душе, с внезапными, словно приступы, отступлениями назад, к богу.

И точно также мучались, страдали в те годы многие юноши.

...Фридрих приехал на военную службу в Берлин, когда ему еще не было двадцати одного. Пользуясь правом вольноопределяющегося, он снял квартиру недалеко от университета. В своем мундире бомбардира он явился в младогегельянский «Атеней», и его немедленно признали там своим.

И тут впервые он встретил равных. После военных занятий, после двухчасовых ползаний на брюхе с полной выкладкой, после чистки пушки, нескольких часов шагистики на плацу, не успев снять мундир, вместе с друзьями он мчался на лекции Шеллинга.

А потом — борьба с заплесневевшим старцем, в прошлом великим философом Шеллингом. Это в прошлом — великий, в последние годы старец решил изготовить учение по заказу прусского короля. Он отмел все, чем жили сегодня умы, объявил о смерти гегелевских построений, попытался уничтожить их, молодых гегельянцев.

И тогда не кто-нибудь, а он, Фридрих, написал статью в «Телеграф», а потом отдельную книгу.

Вокруг книги поднялся шум. Ее цитировали профессора на лекциях, одобрительно отзывались о ней передовые газеты, даже в России ее переводил и комментировал в петербургском журнале «Отечественные записки» Боткин, тогдашний друг Белинского. А польский демократ Дембов-

ский называл автора книги одним из выдающихся философов современности.

Имя автора знали немногие — десяток-два берлинских друзей. Фридрих старательно скрывал свое авторство.

Вряд ли кто из незнакомых людей мог поверить, что автору этой знаменитой книги исполнился всего двадцать один год, что, едва продрав глаза, он мчится в казармы, а из казарм на еще большей скорости несется в университет. Пишет свои статьи по-прежнему по ночам или в часы, когда удается увильнуть от церкви. Об авторе ходили неясные слухи, и наконец многие решили, что написал эту книгу русский Бакунин, который недавно напечатал яркую статью, подписавшись французским псевдонимом Жюль Элизар.

И после всего этого Фридрих вернулся в отцовский дом. Он привез с собой целый мир — тревожный, противоречивый, воинственный. И никто дома об этом не догадывался. Дома, в родном городе, школьный учитель Рипе на вопрос: «Кто такой Гете?» по-прежнему отвечал: «Это безбожник, и читать его книги — грех».

Скандал произошел в первое же воскресенье — Фридрих не пошел в церковь. Отец испугался и сплавил упрямого сына учиться коммерческому делу в Англию, в Манчестер.

В Манчестере Фридрих впервые познакомился с настоящими рабочими, пролетариями. Там он написал статьи, которые немедленно напечатал в Париже молодой Карл Маркс. По дороге из Англии Фридрих специально заехал к нему. За десять дней они подружились навсегда.

А для отца он оставался и сейчас всего лишь упорствующим мальчишкой, который непонятно почему не хочет выполнять родительскую волю, развивать торговое дело Энгельсов.

Вечером Фридрих решил прогуляться по городу.

— Я бы не советовал тебе ходить одному, — сказал отец.

— Почему? — удивился Фридрих.

— Ограбят, — отец грустно усмехнулся.

— У меня ничего нет. Я выверну карманы, они убедятся.

— Для этого у тебя должно быть достаточно времени, чтобы объяснить. Увы, наш город сильно переменялся. Теперь мы хозяева лишь днем — вечером же лучше запереть двери и сидеть тихо. Я-то, конечно, хожу смело, меня все знают. А незнакомому эти господа сначала прирежут, а потом станут разбираться, пусты ли у него карманы.

— Фридрих, послушай отца, лучше останься дома, — сказала мать. — Эти рабочие, говорят, совсем распустились. И отец еще внес деньги на их просветительное общество!

— Что же, рабочие избрали такую форму протеста? — спросил Фридрих.

— Ты спрашиваешь, словно коммунист, полисывающий вредоносные статьи. Это не протест, это обыкновенный грабеж. А бургомистр неизвестно чем занимается, вместо того, чтобы навести в городе порядок.

Город, действительно, изменился.

Фридрих шел вдоль реки Вуппер мимо нижнебарменской церкви к старинному из белого камня мосту, ведущему в Эльберфельд, и вместо широких лужаек видел корпуса фабрик. Их новая фабрика тоже занимала немало места. Там, где были рощицы, — строили дома, а вода в Вуппере стала густой, кровавой от многочисленных канав, по которым неслись из красилен стоки.

В прежние годы вуппертальское общество почти не читало газет. Пожалуй, первые журналы, которые увлеченно изучали здесь, были те самые номера «Телеграфа» со статьями Фридриха о Вуппертале. Теперь в обед каждый служащий конторы нес с собою газету. О политике говорили прямо на улице, а когда Фридрих встретил бывшего соученика, а теперь молодого коммерсанта, тот рассмешил его вопросом:

— Фридрих, ты вроде бы из Англии? Ну что там, уже поняли, как нам надо управляться с рабочими? Все-таки передовая страна. Честно говоря, на правительство я уже не надеюсь, скверное у нас правительство.

— Конечно, поняли, — ответил подчеркнуто серьезно Энгельс. — Надо делать республику и гнать короля взашей.

В прошлые времена соученик испуганно бы отшатнулся, сделал вид, что не слышит крамольных фраз, сейчас же он задумчиво сказал:

— Пожалуй, ты прав. Я тоже так часто думаю.

«К Рабочему классу Великобритании.

Рабочие!

Вам я посвящаю труд, в котором я попытался нарисовать перед своими немецкими соотечественниками верную картину вашего положения, ваших страданий и борьбы, ваших чаяний и стремлений...»

На мгновение Энгельс отложил перо...

Рукопись, лежавшая перед ним, была велика. Через несколько месяцев она станет солидной книгой.

Он написал ее здесь, в родительском доме, в своей крошечной детской комнате. Писал осень и зиму, обложившись газетными вырезками, справочниками. Но главными были не они. Главными были записки, которые он сделал в Англии в разговорах с рабочими, об «экскурсиях» в их хибары. Они запечатлелись точно, словно на дагерротипе, они оживали в душе, заставляли волноваться, едва Фридрих прикасался к ним в своей памяти.

«...Я хотел видеть вас в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах, быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти ваших угнетателей. Так я и сделал. Я оставил общество и званые обеды, портвейн и шампанское буржуазии и посвятил свои часы досуга почти исключительно общению с настоящими рабочими; я рад этому и горжусь этим».

Сначала Энгельс думал, что напишет книгу об истории общественного развития Англии. Поло-

Ф. ЭНГЕЛЬС, портрет 40-х годов XIX века

жение рабочих было лишь темой для главы. Потом он понял, что сейчас важнее писать именно о рабочих.

Восстание силезских ткачей растревожило умы. О техническом прогрессе раньше говорили с воодушевлением. Благодаря прогрессу города спешно соединяли железными дорогами, на реки вышли пароходы, фабричные корпуса поднялись выше дворцов. Время ускоряло ход, мир был уже другим. Летом же, после восстания ткачей, Германия вдруг обнаружила, что у нее появился собственный рабочий класс. В городах появились недовольные правительственной политикой во всех классах общества. Газеты писали о конституции и равных правах. Интеллигенция, буржуазные демократы стали организовывать собрания, они дискутировали о жизни рабочих, нового класса Европы, об их будущем, организовывали общества для их просвещения.

Энгельс выезжал на эти собрания — в Кельн, в Бонн, в Дюссельдорф. Всюду он находил людей, настроенных социалистически. «Что делать, куда и как идти?» — эти вопросы были сейчас для общества главными. Людям были необходимы книги, там они надеялись найти ответы. Книг пока не существовало.

И потому Фридрих спешил с книгой «Положение рабочего класса в Англии». Посвящение ее заканчивалось так:

«...я, как и многие другие на континенте, всячески приветствую ваше движение и желаю вам скорейшего успеха.

Идите же вперед, как шли до сих пор! Много еще надо преодолеть; будьте тверды, будьте бесстрашны, — успех ваш обеспечен, и ни один шаг, сделанный вами в этом движении вперед, не будет потерян для нашего общего дела — дела всего человечества!

*Бармен (Рейнская Пруссия),
15 марта 1845 года, Фридрих Энгельс».*

В Эльберфельде для дискуссий о коммунизме удалось снять самый большой ресторан. Пришло человек сорок. На другой вечер, кроме тех же сорока, пришло еще человек шестьдесят. На третий вечер публика стояла даже в дверях — собралось больше двухсот.

Слушатели расположились за столиками по рангам. Солидно сидела денежная знать. Вдоль стен — мелкие лавочники, владельцы мастерских. Отдельно, словно они собрались на особое заседание, — прокуроры и члены городского суда. И сам обер-прокурор решил поучаствовать в дискуссии. В дальнем углу смущенно жались четверо рабочих — их послали делегатами с фабрики.

— Мы вовсе не хотим разрушать жизнь со всеми ее условиями и потребностями, — убеждал Энгельс, — мы всячески стремимся создать ее.

После дискуссий в Вуппертале многие заговорили о коммунизме. Любая статья, публикация о нем расхватывалась мгновенно. Энгельс со дня

на день ждал «Критическую критику» — ту брошюру, которую они начали писать с Марксом в Париже. Маркс за несколько месяцев превратил ее в солидную книгу и назвал «Святым семейством».

Ближе к полудню приходил почтальон.

Письма приносили, в основном, Фридриху. Отец получал корреспонденцию в конторе.

Эти письма осматривали, обнюхивали, а потом отец брезгливо передавал их старшему сыну.

Теперь отец знал, что письма сыну идут от коммунистов.

Отец горестно вздыхал и обращал на Фридриха печальный взгляд.

— Как же ты вляпался в такую ужасную компанию! — лицо отца было благочестивым, словно во время молитвы.

Последнее собрание в гостинице «Штадт Лондон» закончилось поздно ночью. Энгельс остался там до утра, а когда вернулся домой, его встретили все те же благочестивые, унылые физиономии домашних. Речи их были загадочны.

— Возможно, именно в Англии ты приобрел свои скверные привычки, но здесь, в родном городе поведение твое бросает тень на сестер, братьев, — проговорил мрачно отец, — видимо, твое беспутство дороже тебе, чем честь твоих близких.

Мама плакала:

— Фридрих, милый, ведь не может быть, чтобы у тебя, такого красивого и умного, не было девушки. И что скажет она, если узнает о твоём ужасном поведении?

С утра Фридрих был занят мыслями о том, как бы достать денег. Несколько дней назад он получил письмо от Маркса. По требованию прусского правительства французский премьер Гизо выслал Маркса из Франции. Через двадцать четыре часа после получения указа Маркс должен был покинуть границы страны. Въезд в Пруссию был ему запрещен еще весной. Оставалась лишь Бельгия.

Женни Маркс с крошечной дочкой на несколько дней поселилась у друзей. За бесценку она распродала мебель и в страшный мороз последовала за Марксом в Брюссель. Служанку, Елену Демут, которая выросла в доме Вестфаленов, они отпустили — ей нечем было платить. Елена согласилась отправиться в Германию, а потом потихоньку от господ узнала их брюссельский адрес, явилась к ним в Бельгию и отдала им свои собственные деньги, сказав, что она готова жить с ними без жалования. Пожалуй, это было единственным добрым моментом во всей ситуации.

Энгельс бросился добывать деньги. Он объявил подписку среди знакомых, переслал в Брюссель аванс за «английскую книгу».

«Эти собаки не должны, по крайней мере, радоваться, что причинили тебе своей подлостью денежные затруднения», — писал он Марксу.

...И когда наутро после дискуссии со всеми своими мыслями и заботами он вернулся домой, то не сразу понял смысл упреков отца и матери.

Лишь через несколько часов, просидев над статьями для нового журнала, который они создавали здесь, Фридрих вернулся мыслями к домашним разговорам и расхохотался.

Да они же решили, что он пришел из притона! Фридрих спустился вниз. Мама пила лекарство. У нее от переживаний развилась мигрень. Отцовское лицо было по-прежнему постным, он с неодобрением взглянул на сына.

— Да в «Штадте Лондон» я был на собрании. А после собрания нам надо было о многом поговорить, и я остался у друзей в гостинице.

— И ты водишь компанию с подобными негодяями? — теперь отец и вовсе помрачнел. — Да лучше бы уж ты посещал притоны, чем общался с коммунистами! Из-за их агитации даже на моей фабрике рабочие готовы бесчинствовать!

Фридрих попытался было прочесть и отцу лекцию о коммунизме, о всеобщей пользе этого общественного уклада. Но отец его не слушал.

— Я понял, какие научные занятия ты ведешь у себя в комнате, — перебил отец. — Все это — тоже коммунизм!

— Да, ты не ошибся.

— И, следовательно, коммерцией ты заниматься отказываешься?

— Ну какая может быть коммерция при моих убеждениях?

В этот момент в дом явился посыльный от обер-бургомистра. В форме с золотыми галунами, в фуражке с гербом, он нес конверт и толстую книгу.

— Господин Энгельс? — спросил он.

— Что там еще? — недовольно проговорил отец. — Всю корреспонденцию я получаю в конторе.

— Мне нужны не вы, господин Энгельс, — посыльный произнес фамилию с подчеркнутым уважением, — а господин Фридрих Энгельс-младший. — Это было сказано небрежно.

— Да, это я.

— Распишитесь в получении постановления господина обер-бургомистра, — посыльный раскрыл конверт и протянул книгу.

На гербовой бумаге было написано, что дальнейшие собрания в городе запрещаются, а если организаторы, несмотря на запрет, соберутся, то будут немедленно арестованы и привлечены к суду.

— Не хватало еще, чтобы члена семьи Энгельсов привлекали к суду! Да лучше бы ты не возвращался из Англии!

— Я готов уехать, отец. Например, в Брюссель.

Он назвал этот город только потому, что там поселился Маркс.

— Это будет лучше для всех.

Мама посмотрела на мужчин с испугом. Но все уже было решено.

МИРНОЕ НЕБО

Голуби в небе летают,
Крылья блестят серебром.
Птицы взвиваются, тают
В небе далеком, большом.
Реет красавец крылатый,
Тучки лениво бегут.
Верные небу солдаты —
Голуби мир стерегут.

Нина Грачева,
Москва

КОНЬ

Конь гнедой по лугу мчится,
В гриве солнышко лучится,
То подскочит, то заржет,
То огонь в глазах зажжет.
День-деньской резвится в поле,
Рад своей счастливой доле.
А наступит вечерок,
А подует ветерок,
Мчит обратно конь гнедой,
Где я жду его домой.

Вика Абакумова,
Судак

ОСЕНЬ

Тихо каплет дождь осенний
Из заснувшей тучи грустной.
Отчего у нас в деревне
Стало, словно в поле, пусто?
Все попрятались собаки,
Кошки, лошади и птицы.
Это осень наступила,
Долго будет дождик литься.
Побурели лес и поле,
Ягод нету, солнца нету,
Только осень, только осень
Бродит мокрая по свету.

Динара Лисовая,
Новосибирск

СТИХИ ПРО ВЕТЕР

Озорной мальчишка-ветер
Он качает все на свете!
И ветку с синицей,
И дом со скворцом,
Березу и липу над нашим крыльцом.
Ветер быстрый и веселый
Проводил меня до школы.
А потом вперегонки
Добежали до реки.

Аня Якутина,
3 класс,
Колпино, Ленинградская область

ОДНАЖДЫ В ШИШКИНО ВЕСНОЙ...

Т. ЧИНАРЕВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки Ю. Шабанова

Глава 15

На уроке математики, как раз в тот волнующий момент, когда палец учительницы Раисы Митрофановны заскользил сверху вниз против фамилий пятиклассников, дверь открылась и на пороге появился директор Василий Васильевич. С ним был новый мальчик. Весь пятый класс ужасно этому обрадовался.

Мальчик был невысокого роста с аккуратно подстриженной челкой. Ничем не примечательный — ни рыжий, ни конопатый, ни толстый, ни тонкий. Обыкновенный. Правда, у него не было портфеля. Стопку учебников и тетрадей он прижимал к животу.

— Здравствуйте! — сказал Василий Васильевич. — Прошу садиться! Я привел к вам нового ученика. Прошу учесть, что личность он историческая. По двум причинам. Первое — он соотечественник в нашей школе. И второе — он убежал из дому.

При этих словах уши нового мальчика запылали, и все увидели, что уши у него довольно большие и торчат.

— Теперь он будет жить в Шишкино, — продолжал директор. — Скоро приедет его отец. А зовут нового ученика Дима Девяткин.

И Василий Васильевич ушел. А мальчик продолжал стоять на прежнем месте у доски. Все му классу его было очень хорошо видно, и весь пятый класс, кроме Наташи Бурановой, смотрел на него так, будто он не приехал в Шишкино из другого города, а свалился с Луны и по пути на работу его нашел Василий Васильевич. Наташа Буранова смотрела на него с возмущением. Потому что, по мнению Наташи, человек в одиннадцать лет не должен сбегать из дому без разрешения взрослых. Вообще-то она была права.

— У тебя по математике что было? — спросила новенького Раиса Митрофановна.

— Три... — тихо сказал новенький.

— Было бы лучше, если четыре и пять, — обиженно подчеркнула учительница. И чтобы показать, что она потеряла к новенькому всякий интерес, сказала, глядя в окно:

— Проходи, садись...

Новенький, волоча за собой стул, медленно шел вдоль ряда парт. Парт было семь. Все семь человек сразу отодвинулись в сторону, уступая место рядом с собой. Вдвоем за партой гораздо веселее, чем одному. У Димы глаза разбежались.

Он было остановился рядом с Мишей Полосаткиным, но потом направился к предпоследней парте и сел с Вовой Коробкиным. Все, кто сидел впереди, стали оглядываться. Наверное, старались понять, почему новый мальчик выбрал именно Вову. А Саша Пасечников даже обиделся.

«Наверное, к Вовке в друзья набиваться будет», — подумал он.

Больше Саша ничего подумать не успел, потому что его вызвали к доске.

А Вова и Дима рассматривали друг друга.

— Где живешь? — шепотом спросил Вова.

— У Зайцевых пока. Папа приедет, дадут обещание, а потом — квартиру.

Втайне Вова завидовал Диме. Его независимости. Что он, как взрослый, взял и приехал в Шишкино. Сам Вова приехал с бабушкой после того, как мама получила квартиру и в поселке построили школу. И чтобы новенький не догадался об этой тайной зависти, Вова сказал как можно суровее:

— Завтра фотографию принеси.

— У меня с собой только одна, и мне на ней семь лет. Такую нельзя?

— Можно. Главное, чтобы ты там на себя был похож.

Вова решил, что Дима тоже может стать экспонатом музея. Во-первых, историческая личность, во-вторых — ученик номер сто...

Глава 16

Когда, после разговора с Марией Васильевной, Иван Иванович услышал просьбу Саши о вагончике («Для очень важного дела!»), он сразу же разрешил. Даже не задавая лишних вопросов. Что может быть важнее важного дела? И теперь вечерами Саша и Вова выметали мусор и отмывали в вагончике стекла. А жители поселка, те, кто проходил мимо, недоумевали — почему так оживленно идет работа на лыжной базе? Когда все лыжи спрятаны в чуланы и на улице апрель?

Самым интересным был в вагончике этот день — приступали к оформлению музея. Немногочисленные экспонаты стояли в коробках на полу.

Только достал Вова первый экспонат и приготовился написать к нему табличку, как в двери появилась Женькина голова. Женька, наверное, хотел спросить: «Что это вы тут делаете?» Но Саша сделал свирепое лицо, и Женькин след простыл. Главным экспонатом был сапог Ивана Ивановича. Вова повесил его в центре стены на большой гвоздь.

— Его же сначала вымыть надо! — спохватился Саша, когда они отошли на несколько шагов, чтобы посмотреть, хорошо ли выглядит на стене первый экспонат.

— Ни в коем случае! — завопил Вовка. — Пусть будет, как на самом деле! Это же рабочий сапог. Это даже хорошо, что к нему грязь прилипла. Это для истории. Когда в Шишкино все дороги заасфальтируют, грязи этой не будет цены.

Саша не решился настаивать. Так взволнованно и убедительно говорил Вовка.

Рядом с сапогом Ивана Ивановича стали прилаживать мастерок каменщицы Кукушкиной. Потом прикрепили и фотографии «Первый день в Шишкино», «Первостроители Пасечниковы», «Ученик № 100». И кирпич занял свое место. И книжка, которую принесла библиотекарь Вера: фантастические повести братьев Стругацких с автографом писателей. Ее в дар жителям поселка прислали школьники из Ленинграда. И еще несколько экспонатов нашлось. И все вместе они заняли одну, и то не самую большую, стенку вагончика. Даже удивительно. Этот вагончик на пустыре всегда казался таким маленьким. Оставался, правда, еще один экспонат — палатка. Исхлестанная дождями, выгоревшая на солнце, она была самым впечатляющим экспонатом. Но как раз для нее в музее было очень мало места.

— Может быть, табличку повесить «Руками не трогать?» — предложил Вова, вспоминая охотский музей.

— Что ты! — рассмеялся Саша. — Ничего не случится, если кто-нибудь дотронется до кирпича.

— С кирпичом, может, и не случится, — обиженно сказал Вова. — А только в музеях так положено. А если сапог Ивана Ивановича кто-нибудь померить захочет? Что от него останется через сто лет?

Но Саша сказал, что все это несерьезно. А гораздо серьезнее то, что в музее мало экспонатов и не хватает самого важного.

— Какого?

— Очень простого. На который посмотрел бы и сразу догадался, почему наш поселок так называется. В нашем музее не хватает большой кедровой шишки.

— Вот это точно! — согласился Вова. — Не хватает. Только теперь долго ждать придется. Весной шишек на кедрах нет.

— А помнишь? — подскочил Саша. — У Мишки Полосаткина прошлым летом белка жила.

— При чем тут белка? — отмахнулся Вова. — Мы же не в Белкино живем. К тому же эта белка еще осенью в тайгу убежала. Даже белка не смогла выдержать скучного молчуна Мишку...

— Белка ни при чем! Мишка для нее шишки запасал. Мы с тобой еще однажды вместе с ним в тайгу ходили за этими шишками.

— Помню. Только от шишек тех теперь одни воспоминания остались. Орехи Мишка съел.

— Легче сбегать к Мишке и спросить...

К Мишке пошел Вова. А Саша тем временем решил написать объявление для жителей поселка

Шишкино, чтобы они приносили экспонаты в музей.

Миша Полосаткин жил недалеко, в зеленом доме возле детского сада.

— Я гороплюсь, — сказал Вова Мише. — Мне кедровая шишка нужна. У тебя случайно нет?

— Угу... — ответил Полосаткин и сразу стал таким родным, как старая игрушка. Хотя, как всегда, Вова не понял — есть шишка или нет.

Шишка была. Большая и душистая. Немножко клейкая. В ее чешуйках спрятался прошлогодний август.

— Спасибо! — поблагодарил Вова и поскорее выскользнул за дверь. А вслед ему Мишка Полосаткин успел сказать: «Угу...»

На дверях вагончика Вову ожидало объявление:

«МУЗЕЙ ПРИНИМАЕТ ОТ ЖИТЕЛЕЙ ШИШКИНО ЭКСПОНАТЫ — ФОТОГРАФИИ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ, ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ИСТОРИИ ПОСЕЛКА.

ОБРАЩАТЬСЯ ПОСЛЕ УРОКОВ В ПОМЕЩЕНИЕ МУЗЕЯ К ДИРЕКТОРУ В. КОРОБКИНУ».

— Вот это да! — сказал Вова Коробкин и чуть не уронил кедровую шишку.

Глава 17

Директор школы Василий Васильевич вызвал в большую перемену в свой кабинет председателя совета отряда Наташу Буранову. Директор школы редко кого вызывал в свой кабинет. Зачем вызывать, если со своими учениками он встречается по сто раз в день. А со многими жил по соседству. Значит, для этого был серьезный повод, если вызвал Василий Васильевич Наташу Буранову в свой кабинет. Когда Наташа ушла, все стали думать — что же это за повод?

«Наверное, папа раздумал приехать и теперь меня отправят обратно...» — грустно подумал Дима Девяткин. Поселок Шишкино успел ему понравиться.

«И зачем я только надкусила это яблоко в кабинете биологии? Знала ведь, что оно восковое...», — горевала Юля Ю.

«Это Василий Васильевич узнал, что я взял сапог... — сокрушался Вова Коробкин. — Теперь все пропало».

— Ну? Что? — дружным вопросом встретил пятый класс Наташу Буранову.

Она помедлила. Поправила бант в косе. Посмотрела на доску — чисто ли ее вытерли дежурные — и только потом сказала:

— Сюрприз. Велели встречать вертолет. На вертолете летит сюрприз для нашего класса.

— Сюрприз — это мой папа! — радостно закричал Дима Девяткин. — Это он прилетит на вертолете!

И все поверили ему. И решили встречать папу Девяткина все вместе.

— Жаль, что нет цветов... — сказала Таня Пасечникова.

— Зачем ему цветы? — не согласился с ней Вова Коробкин. — Он ведь мужчина!

— Можно встретить его с горном и барабаном, — предложила Наташа Буранова. — Так будет торжественно. Эта встреча должна ему запомниться.

— Можно плакат написать, — добавил Вова.

Но тут прозвенел звонок, и больше никто ничего предложить не успел.

А после уроков надо было спешить на вертолетную площадку и оказалось, что барабанщик есть — Саша Пасечников, а горнист уехал еще в декабре. Пошли без цветов, без горна и барабана и плакат написать не успели, но шагали по дороге так дружно, что все, кто попадался на встречу, спрашивали:

— Что это у вас за событие?

— Диминого папу идем встречать! — дружно отвечал пятый класс.

Все, конечно же, знали, кто это — Дима. Не надо было много времени, чтобы поселок узнал о мальчике, который приехал на БАМ один, без взрослых.

Возле вертолетной площадки уже стояли начальник стройки Иван Иваныч и бабушка Кукушкина.

— Как вам нравятся мои тимуровцы? — спросила Мария Васильевна Ивана Иваныча, когда пятый класс подошел ближе. — С тех пор, как они ко мне пришли, я на двадцать лет помолодела...

Иван Иваныч одобрительно покачал головой, а Юле и Тане стало не очень ловко.

— Извините, а какой класс над вами шефствует? — спросила Наташа Буранова. — Нам бы тоже какую-нибудь бабушку найти.

— А ты что, девочка, новенькая? — спросила

Наташу Мария Васильевна. — Я тебя не знаю. Весь пятый класс знаю, а тебя вижу в первый раз. Ваш класс надо мной взял шефство. Приходи. Рада буду.

У Наташи Бурановой было такое лицо, будто она обнаружила, что кто-то забрался в ее портфель и украл все до одной пятерки.

— А вы знаете, Иван Иваныч, как Руслан прекрасно забивает гвозди? — продолжала Мария Васильевна.

Руслан Парамошин с ужасом подумал: «Хоть бы сейчас в небе появился вертолет. Или началось землетрясение. Или...»

Но небо было чистым. На нем, кроме солнца и тихо летящей птицы, ничего не было. И земной шар был спокоен. А Иван Иваныч внимательно слушал Марию Васильевну.

— Так вот, Руслан Парамошин очень хорошо забивает гвозди. Я бы в летние каникулы пригласила его на стройку школы гвозди забивать. Конечно, это у него пока не с трех ударов молотка получается. Но вполне прилично.

— А что? — сказал Иван Иваныч. — Это идея. Над этим стоит подумать. Рабочие руки нам летом нужны. Во-он там новая школа будет строиться. — Иван Иваныч показал в сторону постоянного поселка. И весь пятый класс привстал на цыпочки. — Пока ничего вы не увидите. Мы только фундамент заложили. Хотите, приходите в воскресенье на стройку, и я вам все расскажу — что где будет. А заодно и подумаем — не помочь ли вам на стройке летом?

Если бы даже вертолет не прилетел, то уже этот разговор можно было считать сюрпризом. Потому что не каждый день начальник стройки разговаривает с детьми, да еще так серьезно. Но вертолет прилетел. Сначала все услышали,

как он летит, а потом увидели. И Дима Девяткин очень громко закричал: «Папа!» И за ним повторил Миша Полосаткин вздрогнул, хотя как всегда был в меховой шапке и уши у шапки были завязаны под подбородком.

Вертолет сел на площадку, как птица на ветку, только пригнулись кусты у обочины, сраженные ветром от винта. Это не то, что самолет, которому для взлета и посадки нужно огромное летное поле. Вертолету достаточно крохотной площадки. В кабине сидел вертолетчик, знакомый Диме. От этого мальчику стало немножко не по себе. Ведь это он успокаивал Диму: «Ничего, сюрпризом явишься...» И тут вертолетчик открыл дверь, и появился бухгалтер Девяткин. В серой шляпе и сером пальто, одетый по-городскому легко. Бухгалтер Девяткин не знал, что весна на БАМе суровая. И тощие букетики багульника возле городских булочных начинают продавать гораздо раньше, чем он зацветает на сопках в Шишкино. Бухгалтер Девяткин растерянно стоял и жмурился от солнца. Он даже не решался сделать шаг на землю.

Только когда Дима крикнул: «Папа! Какой ты молодец, что приехал!», бухгалтер Девяткин прыгнул на площадку.

— Папа! Как ты? Ты ведь никогда в жизни не летал на вертолете... — бросился к нему Дима. Он чувствовал, что надо сказать отцу какие-то важные слова. Но вокруг было столько народу, и все на них смотрели. И слова не приходили в голову.

— А ты портфель забыл... — улыбнулся сыну Алексей Петрович. Он сказал это так, будто Дима не уехал на БАМ без разрешения, а ушел в школу час назад.

Тут к ним направился Иван Иванович, он протянул Алексею Петровичу руку и сказал:

— Вы правильно поступили, что переехали к нам жить. Я — Гвоздиков, начальник стройки. Нам здесь люди очень нужны.

Алексей Петрович спохватился, что до сих пор он не поздоровался с людьми, стоящими на вертолетной площадке.

— Девяткин. Алексей Петрович. Бухгалтер, — потряс он руку Ивана Ивановича.

И протянул руку бабушке Кукушкиной. И потом по очереди всем ребятам:

— Дядя Леша.

Он очень волновался. Поэтому и Диме тоже руку протянул и сказал: «Дядя Леша». Все засмеялись.

В это время вертолетчик выгрузил чемоданы. Чемоданов было три. В самый раз для человека, который приехал в Шишкино навсегда.

А потом Иван Иванович пошептался с вертолетчиком, поднял руку и сказал: «Внимание, сюрприз!» Все замерли. Все считали, что сюрприз — это Димин папа. И стали смотреть на руку Ивана Ивановича. А Юле Ю показалось, что вот сейчас Иван Иванович снимет шляпу и оттуда вылетит живой голубь. Но ничего подобного не произошло. Иван Иванович спрятал руку в карман. А вертолетчик пошел к своей машине, и все подумали, что он собирается улететь. И были разочарованы.

А Дима пожалел, что не успел подойти к вертолетчику и передать привет машинисту Толе. Но вертолетчик появился снова. Он держал в руках белую пушистую козочку.

— Вот это да... — хором удивился пятый класс. Они подумали, что это Димин папа прилетел в Шишкино с тремя чемоданами и козой.

Были в тайге возле Шишкино и зайцы, и медведи, и соболя. А козочка будет пока одной-единственной. Вот она уже оказалась в руках у бабушки Кукушкиной, и всем хотелось ее потрогать. А Иван Иванович, улыбаясь тому, что пятый класс ничего не понял, сказал:

— Козочка эта — ваша! Мы купили ее, чтобы вы заботились о ней и растили ее. Меня об этом Мария Васильевна попросила. До зоопарка еще дело не дошло, но посмотрим, как вы управитесь с козочкой... А там и другую живность заведем... Тимуровский отряд есть, пусть будет и юннатский отряд...

Никто не верил, что козочку дарят пятому классу. Все стояли нерешительно, пока Наташа Буранова не спросила:

— А как ее зовут?

— Не знаю, — ответил Иван Иванович. — Боюсь, что пока просто «коза».

Мария Васильевна поставила козочку на вертолетную площадку. Козочка отряхнулась и начала жевать сухой прошлогодний стебелек.

— Ой! — забеспокоились ребята. — Она, наверное, проголодалась в дороге...

И все стали рыться в портфелях. Наташа Буранова протянула ей печенье «Привет». Руслан Парамошин сорвал с дерева сухой, чудом уцелевший с прошлого лета, листок. Все это коза сжевала с превеликим удовольствием. А когда Вова Коробкин протянул ей тетрадь по математике, принялась за нее. Таня Пасечникова сказала:

— У этой козы математический склад ума. Не назвать ли нам ее к примеру Теорема или как-нибудь в этом роде?

— Гипотенуза лучше, — предложил Миша Полосаткин.

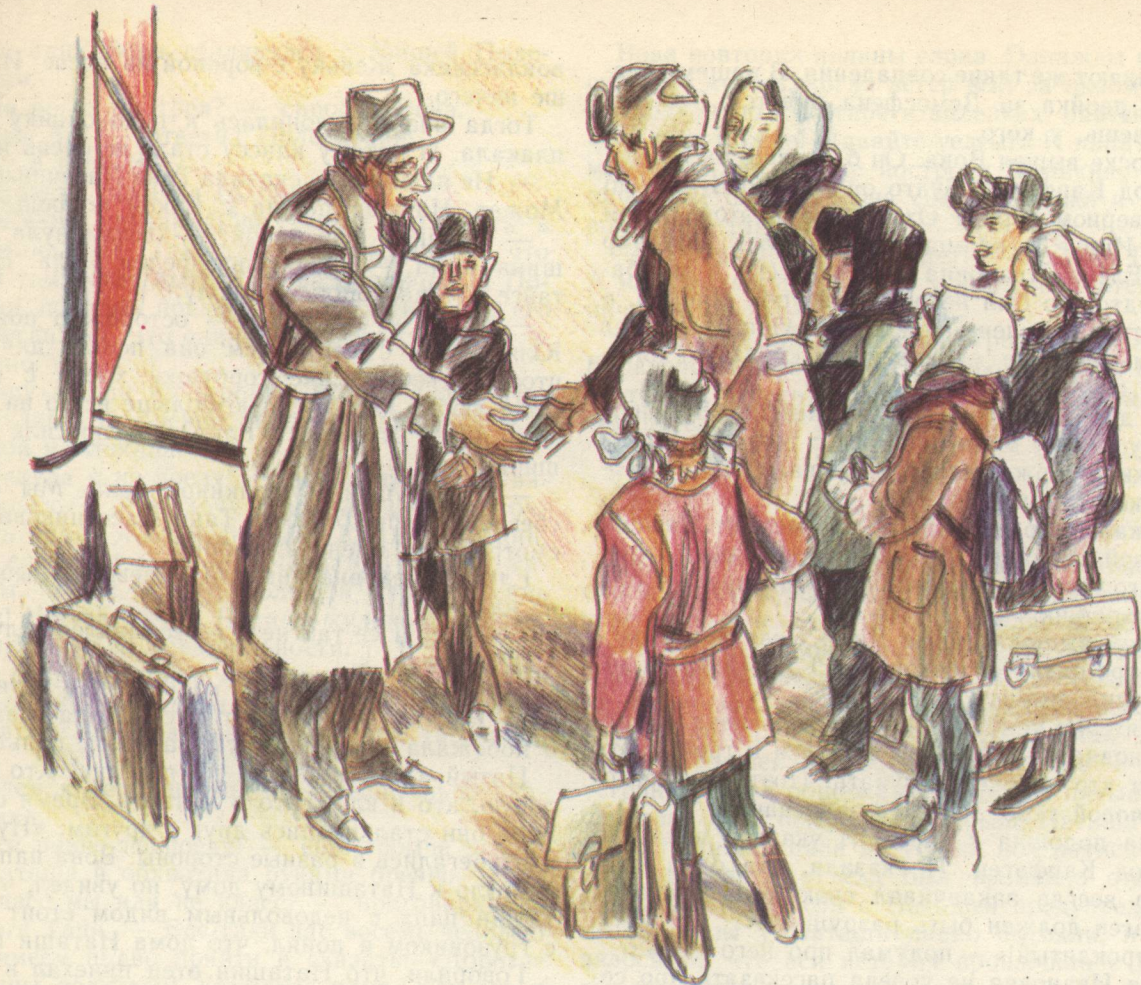
— А я предлагаю назвать ее Елка, — улыбнулась Юля Ю. — Она ведь теперь таежница.

— Елка! Елка! — на разные голоса повторил пятый класс, и восемь рук потянулись гладить пушистую козью спинку.

Глава 18

В объявлении было так и написано: «Обращаться к директору В. Коробкину». Значит, Вовка был теперь не просто пятиклассник, а вроде как и вправду директор музея.

Он пришел в школу пораньше. Ему казалось, что мало кто дотерпит до «после уроков». Ведь музеи создаются не каждый день, а раз за всю историю Шишкино. И каждому захочется принести экспонат. Вот поэтому Вова пришел в школу пораньше. Но в классе уже сидели три человека — Таня с Юлей и Дима Девяткин, который на этот раз пришел с портфелем.

И никто не бросился навстречу Вове с вопросами. Девочки разговаривали о козе и не обратили на Вову внимания. В своем разговоре они в каждое предложение вставляли иностранное слово «рацион», которое и означало-то всего, что давать козе на завтрак, обед и ужин. А Дима сидел, обнявшись со своим портфелем и довольно глупо улыбался.

— Нам с папой сегодня комнату в общежитии дают! — сообщил он.

— Угу... — неопределенно ответил Вова, и Дима воспринял это «угу» как радость по поводу новоселья.

Пришел Руслан Парамошин и тоже ни одного вопроса.

«Подумаешь, он гвозди умеет забивать... — подумал про Руслана Вова. — Я вон скамейку возле дома сделал...»

Пришел Миша Полосаткин и молча стал в портфеле рыться.

«Странные люди! — вздохнул про себя Вова. — Музей для них не событие...»

А потом вспомнил, что погода на улице со вчерашнего дня плохая. В такую погоду не хочется читать объявлений и смотреть по сторонам. Хочется поскорее добежать до школы, закрыть дверь и слушать, как сердится оставшийся на улице ветер. Только один человек в такую погоду может смотреть по сторонам — это Наташа Буранова. Уж она-то удивится, прочитав объявление. Только что-то не шла она долго.

Со звонком наперегонки влетел в класс Саша

Пасечников. Вместо «Здравствуйте» он показал портфелем на окно и сказал громко:

— Смотрите, что там наша ворона вытворяет!

Вова от возмущения слов не нашел. Ворона, которую он Пасечниковым на время дал, уже «наша». И Райка хороша. Могла бы и умереть от тоски. А она гуляет за окном с первоклассником Женькой и про настоящего хозяина думать забыла.

Вот уже и учительница вошла, а Наташи Бурановой всё не было. Ни разу за весь учебный год не опоздала.

Первым уроком была история. Вова давно ждал, что его спросят. И руку тянул, а Елена Ивановна будто не замечала. А сегодня сразу после «здравствуйте, дети», она сказала:

— Кто у нас сам чувствует, что его сегодня спросить надо? Кому двойка по истории спокойно спать не дает?

И Дима Девяткин сразу же поднял руку. И Вова Коробкин тоже поднял руку.

— Это что же, новый мальчик у нас историю не любит? — удивилась Елена Ивановна. — Ах, как это меня огорчает...

И правда, лицо у Елены Ивановны сразу стало такое грустное, будто у нее заболел зуб. Диме было неловко. К тому же все стали оборачиваться и смотреть на него так, будто впервые видели мальчика с плохой отметкой по истории.

— За что же тебе двойку поставили? — поинтересовалась Елена Ивановна.

— За Демосфена... — грустно признался Дима.

— Бывают же такие совпадения. В нашем классе тоже двойка за Демосфена имеется. Ты сейчас узнаешь, у кого.

И к доске вышел Вова. Он блестяще рассказал про город Карфаген. Будто он жил до Шишкино не в северном городе Охотске, а в этом самом городе. Иначе и не мог рассказывать директор музея. Елена Ивановна слушала его и улыбалась, будто это был не обычный урок истории, а ее собственный день рождения. Она вывела в Вовином дневнике маленькую аккуратную пятерочку и сказала:

— Я для музея экспонат принесла. Красную ленточку. Она у меня осталась с того дня, когда в Шишкино торжественно открывали школу. После уроков отдам.

Как жаль, что не было в этот момент Наташи Бурановой. Увидела бы своими глазами, что у отличного водителя автомобиля «Магирус» и сын почти отличник.

А потом вышел к доске Дима Девяткин и рассказал про смелого полководца Ганнибала. И тоже получил пятерку.

— Пятерки кончились! — весело сказала Елена Ивановна. — Остались четверки и тройки. Их едва ли кто захочет получать. Поэтому переходим к новой теме. Римские завоевания.

И она подошла к карте. И указкой показала на город Карфаген. И сказала, что один злой сенатор всегда заканчивал свою речь словами: «Карфаген должен быть разрушен».

«У, проклятый!» — подумал про него Вовка.

Елена Ивановна не успела рассказать про сенатора. Потому что в класс влетела мама Наташи Бурановой и, не обращая внимания на то, что идет урок, закричала:

— Где моя дочь? У нас грузовик уже полчаса стоит!

Никто ничего не понял. При чем здесь грузовик? И почему Наташина мама так сердито спрашивает — где ее дочь? Не мог же пятый класс Наташу в шкаф спрятать. Наташина мама, вероятно, так и подумала, потому что очень внимательно осмотрела кабинет истории и даже заглянула под последнюю парту.

— Что случилось? — удивленно спросила Елена Ивановна. — Я думала, что Наташа заболела. Ее сегодня не было...

— Как не было? — удивилась Наташина мама. — У нас грузовик полчаса стоит. Наташенька пошла попрощаться. Мы уезжаем навсегда. Ребенок весь год витаминов не видит. А у нас в Алма-Ате сейчас уже черешню на рынке продают.

— А у нас скоро шиповник зацветет! — неожиданно для всех сказала тихая Юлия Ю. — А в нем витамина С в пятьдесят раз больше, чем в лимоне.

Но Наташина мама и внимания не обратила на Юлины слова. Она была очень огорчена тем, что пропала Наташа и грузовик стоит полчаса. И главное, она не знала, что делать.

— Она же пошла на минутку! Только попрощаться... — пожалала плечами Наташина мама и заглянула за штору. И увидела за окном пер-

воклассника Женьку с вороной на плече. И больше ничего.

Тогда она прислонилась к подоконнику и заплакала. И пятому классу стало ее очень жалко.

— Не плачьте, — сказала Таня Пасечникова. — Может, Наташа пошла с Елкой попрощаться...

— С какой еще елкой? — всхлинула Наташина мама. — Она с портфелем ушла. Елки в тайге. А она пошла в школу.

— Елка — это коза, — осторожно пояснила Юлия. — А с портфелем она пошла для того, чтобы отнести Елке горбушку хлеба с солью. Елка любит хлеб с солью больше всего на свете.

— А где живет эта Елка? — спросила Наташина мама.

— У бабушки Кукушкиной пока. Мы сейчас сбегаем! — предложила Таня Пасечникова и посмотрела на Елену Ивановну.

Елена Ивановна кивнула, и девочки выбежали из класса.

— А вдруг ее там нет? — усомнился вслух Дима Девяткин.

— Конечно! Нам всем надо срочно идти и искать Наташу, — спохватилась Елена Ивановна и побежала в учительскую надевать пальто.

Пятый класс побежал по поселку. Кто в столовую, кто в клуб, кто в контору. Время от времени они сталкивались друг с другом: «Ну что?» и разбегались в разные стороны. Вова направился было к Наташиному дому, но увидел, что Наташин папа с недовольным видом стоит рядом с грузовиком и понял, что дома Наташи нет.

Говорили, что Наташин отец приехал в Шишкино за длинным рублем. Вова слышал, как разговаривали папа с дядей Геной Крыловым на рыбалке. Дядя Гена сказал:

— Буранов страшный человек. Он только за длинным рублем приехал. Первые трудности — и он стройку бросит.

Дома, когда чистили рыбу, Вова спросил у папы:

— Как это? Буранов за длинным рублем приехал?

Но папа ответил:

— Любопытной Варваре на базаре нос оторвали! — И схватил Вовку за нос. И к Вовкиному носу прилипла рыба чешуя. Вовка обиделся на отца, потому что с ним невозможно разговаривать серьезно.

После этого случая Вовка стал внимательно присматриваться к деньгам. Один раз, когда папа получил зарплату и положил на столик у зеркала, Вовка примерил один рубль к другому. Рубли были одного роста. А папа засмеялся:

— Мать! Смотри! У нашего сына задатки капиталиста. Он так внимательно деньги рассматривает.

Вовка обиделся на отца во второй раз и забыл о длинном рубле до сегодняшнего дня, пока не узнал, что Бурановы уезжают. Он постоял минутку и внимательно посмотрел на Наташиного отца. Ничего в нем страшного не было. Он был в куртке и в кожаной шляпе. Только сердитый. Но на его месте рассердился бы каждый. Грузовик с вещами стоит, а дочь пропала.

Возле бани Вова столкнулся с Мишей Полосаткиным.

— На почте смотрел? — спросил Вова.

— Еще бы! — ответил Полосаткин.

— Ну и что? Нет?

Полосаткин покачал головой.

На всякий случай Вова решил заглянуть в овощехранилище. Так, для порядка, потому что едва ли там могла быть Наташа Буранова. И Полосаткин покорно пошел следом, хотя Вова его и не приглашал. Что один идешь, что с Мишей — все равно.

Наташу нашли на стройке Таня с Юлей. Наташа сидела на бревне рядом с бабушкой Кукушкиной и плакала.

— Никуда я не поеду! — закричала она, увидев девочек. — Я не хочу в другую школу. Я буду жить одна! Жил ведь один Дима Девяткин. Сейчас самое интересное начинается — коза, тигуровцы, музей. Класс большой стал. Восемь человек! Не уеду! — И Наташа кулаком по бревну стукнула. Для убедительности.

Таня с Юлей стояли и тоже едва не плакали. В первый раз они видели Наташу Буранову такой беззащитной. Всегда она была такой уверенной в себе.

— Идем к ее родителям! — решительно сказала Таня.

— Все равно не поеду! — еще громче закричала Наташа и обхватила руками бревно.

— Класс мы или не класс? — приговаривала по дороге Таня. — Все-таки нас восемь человек! И мы имеем право прийти и сказать: «Дорогие Наташины родители! Уезжайте одни. Как это в четвертой четверти отряд останется без председателя? Хватит с нас, что горнист уехал!»

— Мы в праве! — согласилась Юля. — Мы — класс!

Возле конторы к девочкам присоединились Вова с Мишей, а возле Наташиного дома Саша с Димой и Руслан.

— Чем больше народу, тем лучше! — сказала Таня. — Буранова на бревне плачет. Уезжать не хочет. Значит, мы должны ее отстоять.

Она решительно распахнула дверь Наташиного дома, и все увидели, как в пустой комнате на большом чемодане сидел Наташин папа и курил. Увидев ребят, он вежливо встал.

— Вы не имеете права! — с порога начала Таня. — Мы в «Пионерскую правду» напишем, и о вас узнает вся страна.

Наташин папа даже ростом ниже стал, так ему было неловко.

— Да я ничего... — сказал он. — Мне и тут нравится. Речка, туманы...

— Я не про туманы, — продолжала Таня. — Вы лучше скажите, хорошо это или плохо, если ваш ребенок сидит на бревне и плачет?

— Нехорошо... — сказал Наташин папа.

Юля ежилась от страха за Таниной спиной. Она никогда не слышала, чтобы дети так разговаривали со взрослыми.

— Вы же Шишкино не достроили, а уезжаете! — сказал Вова. — Надо построить сначала, а потом можете и уезжать.

Вова повторил папины слова. Однажды в очень сильную метель, когда ветер выл за окном, а мама ходила по квартире в валенках, она сказала: «Сколько можно! Давайте уедем!» И папа сказал маме, что он еще не построил Шишкино. Мама ничего не сказала. Она сняла валенки и надела домашние тапочки.

— В общем, она не поедет! — сказала Таня. — А мы уходим, потому что у нас урок математики начался.

Все вместе они зашли на стройку за Наташей Бурановой и отправились в школу. И не было в этот день класса дружнее на всем белом свете, чем пятый класс из Шишкино.

Глава 19

После уроков в маленьком вагончике, где обосновался музей, было тесно. Вера Бирюкова и несколько человек из пятого класса собрались здесь, чтобы принимать экспонаты от жителей Шишкино. Не было Тани с Юлей. Они за школой на солнечном пригорке, где стала пробиваться травка, пасли козу Елку. Не было Димы Девяткина с Мишей Полосаткиным. Дима с папой устроивались в общежитие. А Мишу пятый класс отправил им в помощь. Зато была Наташа Буранова. Наташин папа не устоял под натиском пятого класса, и отъезд был временно отложен. Мальчики вели себя с Наташей предупредительно. А слезы у Наташи давно высохли, и показалось ей, что вся история произошла с ней не сегодня утром, а давным-давно.

Первым принес экспонат плотник дядя Гена Крылов. Вернее, он на минутку забежал по пути на стройку. В руках у него была гармонь.

— Годится? — спросил дядя Гена. — Это моя личная вещь. Правда, она испортилась, но я ее из Амурска привез, и мы под эту гармонь пели песни у костра. Помнишь, Вер?

Вера покраснела и согласно кивнула головой.

— Она, правда, уже не играет, и если не годится в музей, то я ее соседским мальчишкам отдам...

— Годится! — спохватился Вовка. — Очень даже годится. Большое спасибо вам...

Дядя Гена отдал гармонь Наташе Бурановой и ушел. Вера взяла гармонь у Наташи, растянула ее и получился такой звук, будто у светофора резко затормозил большой автобус «Икарус».

— Та-да-да. Да-да, — пропела грустно Вера и грустно добавила: — Гармонь-пенсионерка. Весело было с ней у костра...

Потом пришел мальчик Фарид из седьмого класса. Он принес чайник по поручению своей мамы. Чайник был большой и чумазый. С ним ходил по маршруту папа Фариды — изыскатель. Теперь он строит Шишкино.

Заглянул шофер водовоза. Не принес ничего, но пообещал палатку. В музее была уже одна палатка, но ребята все равно не отказались. В конце концов Шишкино начался не с одной палатки, а с палаточного городка.

Приходил девятиклассник Игнат Маравин.

Важный, степенный, неторопливый. Он посмотрел на пятиклассников так, будто они не занимались серьезным делом, а играли в «классики». Он отдал Вере каску отца-монтажника. Со словом БАМ над козырьком. Все знали, почему он такой важный, Игнат Маравин. Он учится в школе за Баджальским хребтом. Его и еще несколько ребят-старшеклассников каждое утро возит рабочий автобус. Однажды зимой в метель на них обрушилась снежная лавина. Все обошлось благополучно. На помощь отправился трактор. Только одна девочка обморозила щеку. А Игнат ей щеку оттер снегом. Спас от обморожения. С тех пор Игнат Маравин ходит по улице Шишкино, как герой.

— Здорово! — радовались ребята, рассматривая принесенные вещи. — Так и вагончика скоро не хватит.

Когда зажглись фонари на улице Первого августа, и ребята уже собрались закрывать музей, пришел начальник стройки Иван Иванович Гвоздиков.

Вовка при виде его кинулся было закрывать собой сапог, но задел ногой за лежащую на полу гармонь, она издала скрипучий звук, и Вова растянулся во весь рост посреди вагончика. Все отскочили в разные стороны, освобождая ему место, так же, как когда падает в тайге повален-

ное дерево. Но тут же кинулись поднимать. И Иван Иванович в стороне не остался.

— Что-то, сосед, тебя уж и земля не держит... — пошутил Иван Иванович.

«Он еще не видел свой сапог на стене, поэтому и шутит», — подумал Вова.

— Я вам целую пачку писем принес! — и Иван Иванович протянул Вере разноцветные конверты. Штук сто, наверное. — Эти люди со всей страны пишут. БАМ строить просят. Кое-кто уже в Шишкино живет. Прочитаете и узнаете — кто. Годится?

— Спасибо, Иван Иванович! — улыбнулась Вера.

— Пожалуйста! А я думаю, зачем им вагончик понадобился? Когда все мечтают переселиться в новые квартиры, они попросили старый ненужный вагончик. А тут, оказывается, вон что! Музей!

Иван Иванович окинул взглядом экспонаты и увидел сапог. У Вовки замерло сердце.

— Ах, вот ты где, голубчик! А я-то думаю, куда он мог подеваться. А он тайком, никому ничего не говоря, напрямик в историю. Не ожидал, брат...

К Вовкиному удивлению Иван Иванович ни чуточки не рассердился. Он даже весело предложил:

— Тогда и второй забирайте. Они привыкли быть вместе...

И Иван Иванович ушел, осторожно прикрыв за собой дверь. Вовка шмыгнул носом.

— Ты не ушибся? — заботливо спросила его Наташа.

— Что ты! — сказал Вова, но в глубине души ему приятно было, что Наташа о нем заботится.

— А знаете, чего не хватает в музее? — подал голос Руслан Парамошин. — У нас не хватает первого колышка. Всегда ведь прежде, чем поселок строить, даже прежде, чем палатки ставить, забивают первый колышек. Я об этом читал.

— А знаешь, кто в Шишкино первый колышек забил? — сказала Вера. — Повар, чтобы повесить котелок над костром. Это были мы с Марией Васильевной Кукушкиной. Мы и сейчас есть, а вот колышков тех ни за что не сыскать.

Глава 20

В воскресенье очень рано вышли из дома двое рабочих. Отличный водитель грузового автомобиля «Магирус» Федор Павлович Коробкин и его сын Вова. Отец — на работу и сын — на работу.

Было очень рано. Еще не проснулись «КРАЗы», «Магирусы» и подъемные краны. Тихо было в Шишкино. Слышно, как хлопали двери и хрустели ветки в тайге. Наверное, после долгой зимы просыпался медведь. В городах в воскресенье люди встают поздно. Потому что воскресенье — выходной. А стройка и в воскресенье часто работает. Потому что это стройка. Вот станет Шишкино городом и тоже будет просыпаться поздно.

— Ну, пока! — сказал рабочий человек папа. — Мне направо.

— Пока! — махнул рукой рабочий человек Вовка. — Мне — прямо.

Наступило то воскресенье, в которое начальник стройки Иван Иванович пригласил ребят на постоянный поселок. Никто не встретился Вовке по дороге. Он решил, что это потому, что он проснулся так рано. Переходя через рельсы, он постоял минутку, прислушался. Работает ли путеукладчик? И ничего не услышал. Дорога ушла далеко вперед.

Как это ни странно, Вовка пришел на стройку последним. Пятому классу уже выдавали рукавицы. Громадные, как у Деда Мороза. В таких рукавицах все почувствовали себя взрослее и значительнее.

— Ну что? — спросил Иван Иванович. — Будем строить новую школу?

— Будем! — дружно ответил пятый класс.

— Тогда направляю вас в бригаду каменщиков. А бригадиром назначаю Марию Васильевну Кукушкину.

Новая школа пока совсем не была похожа на школу. Она была похожа на детскую игру «лабиринт» со множеством коридоров, закоулков, ходов и выходов. Хотелось пробежать по ним, заблудиться, но новой школе срочно нужен был кирпич. Пятый класс в своих больших рукавицах выстроился в конвейер от горки белого кирпича

до стенки, где стояла с мастерком в руках Мария Васильевна. И скоро кирпичи переселились на новое место.

— Мария Васильевна, что вы сейчас кладете? — спросила Таня Пасечникова. — Что это будет?

— Я думаю, спортзал, — ответила Мария Васильевна.

— А можно и нам попробовать положить хотя бы по одному кирпичику? — робко попросила Юля Ю.

Мария Васильевна разрешила. И все положили по одному кирпичу, намазывая кирпичи нижнего ряда, как бутерброды повидлом, густым раствором. Это только на первый взгляд было легко и быстро. Когда мастерок был в руках Марии Васильевны. Вова Коробкин, например, положил столько раствора, что он вылез из-под кирпича и некрасиво расплзся по стене. Мария Васильевна быстренько все исправила, и стена снова стала аккуратной и красивой, как листок в тетрадке по арифметике.

Новой школе требовались еще кирпичи и еще раствор. К обеду стенка заметно подросла. А новые рукавицы стали грязными. Пришел Иван Иванович. Похвалил за работу.

А потом сказал:

— Ну вот, друзья мои! Какой будет ваша новая школа, вы уже можете себе представить, а вот каким будет Шишкино, — я, если хотите, могу вам рассказать...

Конечно, все сказали, что хотят!

— Вообразите себе, — сказал тогда Иван Иванович, — что вы — туристы, а я — гид... Как в большом городе. В туристском автобусе. Поехали?

И все пошли вслед за Иваном Ивановичем.

— Итак, уважаемые товарищи! — серьезно, как подобает гиду, начал Иван Иванович. — Мы с вами находимся на проспекте Первостроителей. Посмотрите направо, потом — налево. Достопримечательности — кругом. Сам проспект назван в честь людей, которые приехали сюда первыми. Не испугались ни морозов, ни комаров. И построили такие прекрасные дома на месте, где ничего не было... Еще раз посмотрите направо: мы проезжаем мимо знаменитого Шишкинского краеведческого музея. Начало музея, между прочим, положили пионеры, ученики пятого класса... Сейчас они, конечно, уже выросли и стали уважаемыми людьми нашего города. Их портреты вы можете видеть на Почетной доске в центре города, который мы еще будем проезжать... Посмотрите снова налево и обратите внимание на эти красивые дома. Они построены по оригинальным проектам ленинградских архитекторов. В этих домах всегда светло и солнечно, люди в них живут счастливо и никогда не ссорятся... Еще одна достопримечательность — кафе-мороженое «Белочка». Здесь вы можете попробовать самое вкусное в мире мороженое с голубичным вареньем.

При этом Иван Иванович споткнулся о трухлявый пенек и засмеялся. И все засмеялись. Не пню, конечно, а кафе-мороженому.

— Не верите? — удивился Иван Иванович. — Я был в Индии и во Франции и скажу вам, лучшего мороженого, чем в Шишкино, не ел нигде! Водитель! Прошу вас, притормозите на повороте. Обратите внимание, товарищи: наш закрытый бассейн. Работает круглый год. Открыт сравнительно недавно. Вода — морская, привозим с Тихого океана. Песок на пляже — с Черного моря... А это — улица Пионерская, и на ней — школадесятилетка. Школа гордится большим телескопом, дендрарием и тем, что в ней нет ни одного троечника...

— И такая улица будет? — не поверила Наташа Буранова.

— Будет! — сказал твердо Иван Иванович. — Шишкино ведь не только взрослые строили, но и дети. Значит, будет! И телескоп будет. Выпишем из Москвы. А в дендрарии будут расти вишни и абрикосы. Тут уж дело за вами. Выведете морозоустойчивые сорта. Вишни и абрикосы должны расти в Шишкино!

С улицы Пионерской мы повернем налево и по бульвару Космонавтов, которые посадили на память о посещении Шишкино маленькие кедры, мы с вами, товарищи, выезжаем прямо к зоопарку — гордости всего нашего края. Начало Зоопарку также положено нашими пионерами-юннатами, потому что начинался он всего-навсего с маленькой козочки...

— Правда... — удивился Руслан. — С Елки... Вот будет здорово!

— Конечно, будет! А пока, товарищи, экскурсия окончена, потому что через пятнадцать минут — у меня совещание. Все остальное вы можете досмотреть сами. В недалеком будущем... Вам ведь в Шишкино жить.

— Спасибо! — дружно сказал пятый класс.

До сегодняшнего дня, если честно сказать, никто из них и не подозревал, в каком удивительном поселке они живут. Думали, просто стройка...

После экскурсии пятый класс сидел на солнышке за школой на бревне и обедал. Вся стройка обедала. Отдыхали подъемные краны и грузовики. Каменщики и плотники пили чай из термосов и заедали бубликами и пирожками.

— А Иван Иванович не пошутил? — сказала вдруг Таня Пасечникова.

— Нет! — ответил ей Саша. — Он начальник стройки и все знает.

Потом все дружно решили пойти проведать козу Елку.

И по дороге разговаривали о разном — о том, кто кем станет, когда вырастет. И скоро ли пойдут поезда. И когда, в какой день лучше открыть музей.

И не было вместе со всеми только одного человека — Миши Полосаткина. Все ушли, а он остался на стройке. Он выбрал рядом с новой школой самое солнечное место, выкопал щепкой ямку и посадил в нее абрикосовую косточку. Она еще с Молдавии валялась у него в кармане куртки. Он хорошенько зарыл косточку в землю и приотпал ее сверху носком ботинка...

К О Н Е Ц

ЗЕМЛЯ

Тимур УБАЙДУЛЛО

Земля-чародейка,
Ты чудо однажды свершила:
Ты сердце мое
Ключевой водой напоила,
А реки твои
Стали кровью моей животворной,
И стали просторы
Душою моей непокорной.
Ты гордость дала мне —
И стал я высоким, как горы,
Ты свет урожая
Влила в мои мысли и взоры.
Ты речью меня наделила,
И, выйдя в поля,
Шепчу я всем сердцем
Великое слово:
— Земля!..

Перевел с казахского
М. ЯСНОВ

Рисунок Т. Капустиной

СНЕГ НА ПОЛЯХ— ХЛЕБ В ЗАКРОМАХ

СЕЮ, ВЕЮ, ПОВЕВАЮ

О хлебе люди думали во все времена. В старину был даже такой обычай.

В новый год самым ранним утром, еще затемно, раздавался стук в дверь.

Гости-соседи входили со словами: «Сею, вею, повеваю, с Новым годом поздравляю» разбрасывали зерна ржи или пшеницы по всем углам избы.

Хозяева собирали потом с поля все зернышки до единого и хранили их до весны. Во время сева зерна эти бросали в землю первыми. Крестьяне надеялись, что теперь на их поле созреет богатый урожай.

СНЕГОПАХИ

И зимой не уходят с пашни трактора. В ноябре, декабре — высокими ровными валами укладывают снегопаху снег.

А когда запоят свои песни февральские метели, тут-то и преградят валы путь снежной круговерти, уляжется и успокоится она, покрыв поля тол-

стым одеялом. В белоснежной постели уютнее чувствует себя земля, тепло озимым.

А весной прогреет солнце, растают снежные валы и влага досыта напоит пашню. Вот почему народ говорит: «Снег на полях — хлеб в закромах».

БЕЛЫЙ, ЧЕРНЫЙ...

Хлеб...

Нынешнее поколение знает белый, душистый, как лето, вкусный, пышный хлеб. Старшее — помнит черный и горький.

В военные годы в колхозах пахали, впрягая в плуг коров, летом с трудом обработанные поля алели чертополохом, желтели от осота и едкой пылью курила полынь. Когда убирался урожай, семена сорняков отсевались, но зерно сохраняло привкус полыни, и хлеб из него был горек.

Земля нуждается в заботе и отдыхе. Вспаханное поле летом люди называют паром, наверное, потому, что земля парит,

когда ее пашут в жаркие дни. А через недельку-другую, как только после обильных дождей поднимутся на парах сорняки, поле снова рыхлят лушильниками. И земля отдыхает чистым паром, накапливая влагу и силы. На черных парах в любой год хороший урожай. Хлеба растут чистыми, колос к колосу, зерно — к зерну. Из такой пшеницы и каравай получается белый, пышный, вкусный.

Вот и выходит, что хлеб разным бывает...

Только никогда не бывает легкого хлеба.

МАМИН ХЛЕБ

Всякий хлеб приходилось есть за прожитые годы, но вкуснее мамино хлеба не было. Помню, если просила принести в избу березовых дров, всегда добавляла: «Хлеб завтра буду печь». И тут же готовила опару. Заводила ее только на старых хлебных дрожжах. Ставила в теплое место и, подсыпая муки, что-то колдовала мутовкой в квашне. Ночью в избе кто-то начинал шептаться, пыхтел, сопел — это гуляло тесто.

Утром в печи жарко горели дрова. А мама, посолив тесто, начинала месить его оголенной по локоть рукой.

Загустевшую тягучую массу делила на части и колбками раскладывала на капустные листья. На листьях хлеба подходили. Поспевала и жаркая печь. Алые угли отгребались в сторонку, а печной под подметался гусиным крылом. Деревянной лопатой мама метала в печь караваи и закрывала заслонкой, вьюшками прикрывала трубу.

Изба сразу наполнялась ароматным хлебным духом. Испеченные буханки в печи были румяными и пышными. А на нижней корочке под истлевшим капустным листом оставался узор его жилок. Держишь в руках теплую краюшку, и пахнет она солнышком, березовой рошей и белой кашкой.

ОТЦОВСКАЯ НИВА, гравюра Василия Манзи

В. МАНЗЯ

САФАРИ

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

Мы дружбой ленинской сильны!

★ НАШ КАЛЕНДАРЬ:

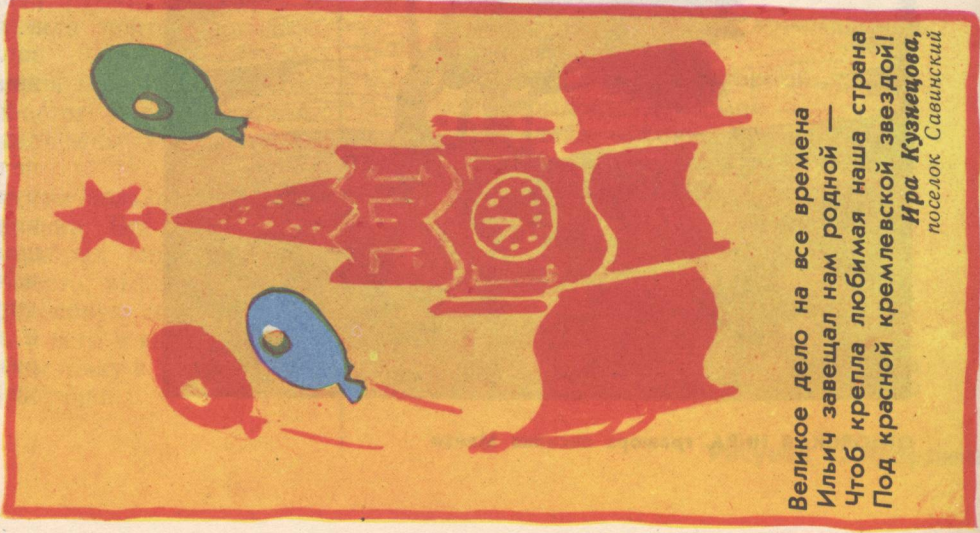
7 ноября - 65 лет Великой Октябрьской
социалистической революции.

10 ноября - Всемирный день молодёжи.

★ Подарок

Наш отряд был в гостях у Артура Владимировича Юстуса, сына известного венгерского революционера. В 1922 году он учился в Кремлевской школе.

После уроков ребята любили играть в футбол. На площадке между Успенским и Архангельским соборами они часто гоняли мяч, сшитый из тряпок. Однажды за этим занятием их застал Ленин. Владимир Ильич наблюдал за игрой, посмеялся и снова ушел работать. А через несколько дней комендант Кремля вручил ребятам другой мяч. На-

Великое дело на все времена Ильич завещал нам родной — Чтоб крепла любимая наша страна Под красной кремлевской звездой!
Ира Кузнецова,
поселок Савинский

стоящий, кожаный, упругий, взлетающий высоко в небо. Этот мяч был подарком Владимира Ильича.

Коля Егоров,
Ленинград

★ Ветеран
живёт
радом

Василию Гавриловичу Овсову — 94 года. Живет он один и всегда рад нашему приходу.

А бываем мы у Василия Гавриловича часто — по два-три раза в неделю. Носим воду, бегаем в магазин. Зимой расчищаем перед его домом снег, а весной вскапываем грядки в огороде. Василий Гаврилович — ветеран Октябрьской революции, гражданской и Отечественной войн. С огромным интересом слушаем мы его рассказы, рассматриваем старые фотографии из его архива. Мы гордимся своей дружбой с Василием Гавриловичем.

Женя Харламов,
Сергея Шабалин,
Алеся Боровков,
тимуровцы 7 «б» класса
школы № 33, Иваново

★ ПЯТИЛЕТКА ТРУДОВЫХ ПИОНЕРСКИХ ДЕЛ ★

★ На комбайн после шестого

Когда смотришь с третьего этажа нашей школы, видишь поля колхоза. А если помотришь с первого, окажешься в школьном саду. Весной все зелено, а осенью деревья красно-желтые. Как в шубах стоят.

Школа каждый год помогает колхозу в уборке урожая. Еще мы работаем на свинокмплексе, заготавливаем корм для свиней. А Миша Черняков уже после шестого класса работал на канникулах помощником комбайнера.

Юра Черных,
7 класс,
село Селечня Брянской области

★ Макулатура под парташи

Операция «Миллион — Родине» в нашей дружине происходит очень активно. Итоги сбора макулатуры каждый день сообщаются по школьному радио. Выпускается специальная «Молния». Чтобы не пропадал ни один листок, мы стали, кроме старых газет и

журналов, собирать весь бумажный мусор, остающийся после уроков в классах. Складывали этот мусор в специальный мешок, и за месяц набралось 25 кг! Мы сами не ожидали, что будет так много. А всего за первое полугодие наш отряд собрал больше тонны макулатуры.

Саша Мироенко,
4 «в» класс,
школа № 8, Бердск

★ Для нашего совхоза

Осенью ученики нашей школы работали на уборке картофеля и заготовке веточек для агрегата витаминной муки. Школе совхоз дал задание собрать картофель с десяти гектаров, а мы собрали с двенадцати. Нам поручили заготовить 5 тонн веточек, а мы заготовили 7 тонн. Это значит, что овцам, коровам и свиньям больше достанется корма.

Весной мы помогаем совхозу сажать картофель, капусту и другие овощи. Летом участвуем в прополке. Работаем под девизом «Твой труд вливается в труд твоей республики!»

Эрдем Бурдаев,
совхоз «Дружба»,
Бурятская АССР

ШАЙБУ ШАЙБУ! Вера Порошина, поселок Окулайский, Иркутская область

★ СТРОКИ В ЛЕТОПИСЬ

Мы в отряде устроили сбор, на котором наши старшие рассказали про то, как они учились, как поступили в пионерские организации, мамы тоже собирали металлолом, ходили на пионерские сборы.

Но бывали у них и другие дела — ведь время тоже было другое.

Наш классный руководитель Надежда Семеновна вступила в пионеры в сорок четвертом году. Она вместе с одноклассницами шила теплые вещи для солдат. И мальчишки вместе с ними шили. А однажды она

выступала в госпитале перед ранеными бойцами.

Папе Юли Белогуровой повязали красный галстук сразу после войны. Их тимуровский отряд помогал семьям погибших.

А мама Ани Диденко была пионеркой в середине пятидесятых годов. Тогда вся страна боролась за хлеб, поднимали целинные земли. Она с одноклассниками тоже помогала собирать урожай, выступала с концертами в сельских клубах.

Ира Нечай,
6 «г» класс, школа № 35, Киев

НАШ КИД

Подводим итоги конкурса на лучшую эмблему и девиз нашего клуба. В нем приняли участие около тысячи юнкоров со всей страны.

Очень понравился девиз «Пока мы едины — непобедимы», который предложил Володя Комаров из Челябинска.

А вот как выглядит лучшая эмблема. Ее нарисовала Маша Чаброва из города Вольска Саратовской области. Теперь каждый выпуск «Нашего КИДа» будет сопровождаться этой эмблемой.

«Барабан» поздравляет победителей и благодарит всех ребят, принявших участие в конкурсе.

Сегодня у нас в гостях семиклассница 105-й ленинградской школы Таня Олейникова:

«Мне посчастливилось дважды побывать в Болгарии — на детской ассамблее «Знамя мира» и на встрече «София-80». Тогда мы с Веселином Каратонсовым так и не встретились. А познакомили нас мои стихи и музыка Веселина.

Однажды получила я открытку из Горной Оряховицы. Болгарский школьник писал, что ему понравилось мое стихотворение «В небе солнышко сияет». Его он прочел в одной из болгарских газет, посвященной встрече детей «София-80». И он написал музыку. Потом пришла посылка с магнитофонной пленкой и нотами.

Песню Веселина исполнили на политических фестивалях в его родном городе и в Велико Тырново. Ну и мы в классе ее разучили. Нам очень понравилась музыка.

В песне есть такие слова: «Хочет жить Земля спокойно, Хочет жить она счастливо!..»

КАК РАЗБУДИТЬ ОТРЯД!

У себя в классе я хотела организовать тимуровский отряд, но ничего не получилось. Мне ребята сказали: «Тебе что, делать нечего?» А ведь сколько живет вокруг старушек и дедушек! Им нужна помощь. Я хотела сама все сделать, но разве всем сможешь? И в поход одна не пойдешь. Я даже нарисовала план похода — у нас кругом лес. А все говорят — и так за грибами и за ягодами в лес ходим. Как разбудить отряд?

Люда Шияновская,
Изяслав

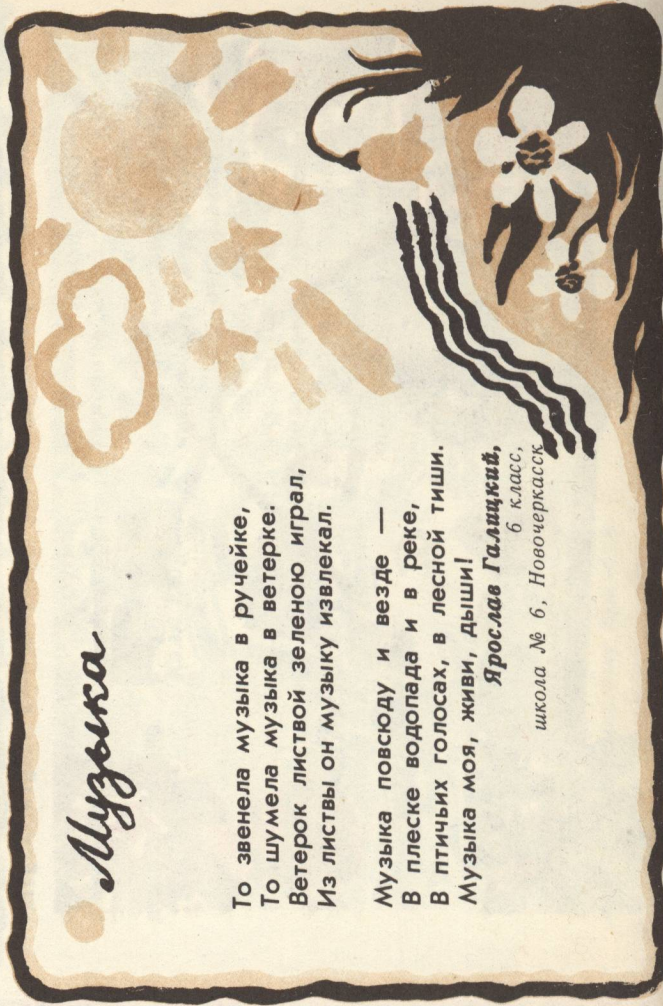
„БАРАБАН” БЬЁТ ТРЕВОГУ!

Музыка

То звенела музыка в ручейке,
То шумела музыка в ветерке.
Ветерок листовой зеленою играл,
Из листы он музыку извлекал.

Музыка повсюду и везде —
В плеске водопада и в реке,
В птичьих голосах, в лесной тиши.
Музыка моя, живи, дыши!

Ярослав Галицкий,
6 класс,
школа № 6, Новочеркасск

О НАШИХ ВЗРОСЛЫХ

Гордимся директором

Каждое утро порог нашей школы переступает высокий красивый шестидесятилетний человек. Мы радуемся — пришел наш любимый учитель, директор школы Шалва Давидович Татарашвили. Он передает у нас историю. На пионерском сборе он рассказывал нам о своем героическом прошлом. Был моряком, десантником, сражался на Малой земле. Ему было тогда всего 23 года. На день рождения друг подарил ему 23 патрона. Этот день он запомнил на всю

жизнь. Его друг, Петр Верещагин, приезжал к нам, когда отметили шестидесятилетие нашего любимого учителя. Он рассказал нам об участии Шалвы Давидовича в боях за освобождение Новороссийска. Мы гордимся, что Шалва Давидович Татарашвили — один из героев книги Л. И. Брежнева «Малая земля».

*Манака Арнелидзе, 6 класс,
Марина Кавтарадзе, 4 класс,
Чабуки Бабулашвили, 5 класс,
Михетской восьмилетней школы,
Грузинская ССР*

*Прочти
Эту
книгу и ты!*

*Хочу быть
посежей*

Я хочу, чтобы все ребята прочитали книгу о юной героине Гуле Королевой «Четвертая высота». Она потому была

такой мужественной на войне, что еще в мирное время, вместе с девочкой, была упорной и храброй. Ее пригласили сниматься в кино. Она играла роль Василинки и должна была на коне преодолеть препятствие. Белый конь Сивка не хотел прыгать через барьер, но Гуля была упряма, и конь все же прыгнул.

Я стараюсь быть похожей на Гулю. Когда мне очень не хочется заканчивать какое-нибудь трудное дело, я вспоминаю Гулю и не отступаю.

*Ира Дедова,
Курган*

Герой поэмы Самеда Вургун

С младшими братьями мы играли около источника минеральной воды. Подошел пожилой человек. Заговорил с нами о школе, о спорте, о пионерских делах. Почему-то ему было все это интересно. На груди у него сияла Золотая Звезда Героя Социалистического Труда. Мы узнали, что этот человек — один из пер-

вых строителей города Мингечаур Сарван Саманов. Комсомолец Сарван вначале был рабочим, затем экскаваторщиком и всегда был впереди. Однажды на стройку приехал народный поэт Азербайджана Самед Вургун. Он долго беседовал со строителями. А потом написал поэму, главным героем которой стал экскаваторщик Сарван Саманов. Строителя узнала вся страна.

Мы с братьями решили брать пример с этого человека.

*Эльчин Сардаров,
6 класс,
Баку*

Ученик:

— Они были пешими конниками.

Прислала

Люда Найжук,

*поселок Кузнецовск,
Ровенская область*

Учитель:

— Почему у утки не намокает перья?

Ученик:

— Потому что они смазаны рыбьим жиром.

Прислал

Сергея Петров,

Комсомольск-на-Амуре

Учитель:

— Кто открыл Америку?

Ученик:

— Светофор Колумби

Прислала

Вера Иванова,

Красноярск

Учитель:

— Приведи пример трения.

Ученик:

— Человек на льду скользит.

Чтобы не скользил, его посыпают песком.

Прислала

Света Ахиярова,

Набережные Челны

Учитель:

— Расскажи о греческих воинах.

НА КРЫШЕ МИРА

Одна республика — степи да степи, другая — горы да горы, а Таджикистан — лестница. От пустынь и степей начинаются ее огромные ступени и поднимаются все выше, выше. На нижней ступеньке в раскаленном воздухе висит песчаная дымка, отчего солнце кажется красным. На верхних ступеньках лежат вечные льды.

Ведут эти ступеньки на Крышу Мира. Так издавна называют высокогорную страну Памир. Вокруг — льды и камни! Тысячи тонн льда! Миллионы тонн льда! Вот она, оказывается, какая у мира крыша — ледяная!

А если выйти из Таджикистана и забраться на эту «крышу», то попадешь и в другую нашу республику — Киргизию. Она почти вся лежит в горах.

Редко забирались на такую высоту люди. Когда в 1928 году решено было отправить на Памир экспедицию, то карту ей дали в сплошных «белых пятнах». Означали они не белые шапки снегов, а неисследованные области. Никто не знал, куда тянутся высоченные горы, где берут свое начало стремительные реки. В седьмом веке пытался проникнуть в тайну этих гор буддийский монах. По его сведениям «страна Поми-Ло» — совсем плохая земля. Даже летом там может выпасть снег, днем и ночью бушуют ветры. Откуда ему было знать, что таят в себе горы. А таили они руды цветных и редких металлов, горный хрусталь, уголь...

Это узнали советские люди,

когда забрались на «Крышу мира», изучили, исследовали ее и даже... построили там дом. Поставили научную обсерваторию на леднике Федченко. На высоте 4200 метров! Зачем? Чтобы узнать тайны гор, всегда быть готовым к капризам и сюрпризам погоды. Ведь эту «крышу» называют еще и «кухней погоды» Средней Азии. Здесь, в ледниках набирают силу тучи, готовятся к броску ветры и лавины. Отсюда берут начало многие реки, несут воду полям, спешат напоить сады и виноградники.

Строительство обсерватории началось в Ташкенте, в Узбекистане. Оттуда разобранную на части обсерваторию железнодорожные рельсы подняли в высокогорный киргизский город Ош. Дальше дороги не было... Части обсерватории предостояло вьюками и просто на руках нести еще выше, выше. Сотни километров пути по непроходимым горам и ледникам. Взвешивалась каждая дощечка, каждый гвоздь. Обсерватория весила 4 тонны. И еще 96 тонн весили приборы, запасы продовольствия и топлива на год.

В начале лета 1932 года необычный караван — три тысячи вьюков — двинулся в путь. Гремели перед ним реки, преграждали дорогу пропасти и ледяные торосы, сыпались камнепады, завывали ветры, по ночам набрасывался мороз... Но люди упрямо шли вперед. Альпинисты вырубали для них ступеньки во льду, сооружали мосты над пропастями.

Но и добравшись до места,

никто не мог почувствовать себя спокойным: люди жили на льду, а лед двигался. Змеились трещины. Они возникали мгновенно и неожиданно, иногда прямо в лагере экспедиции. А днем нестерпимо палило солнце, обжигало лицо и руки.

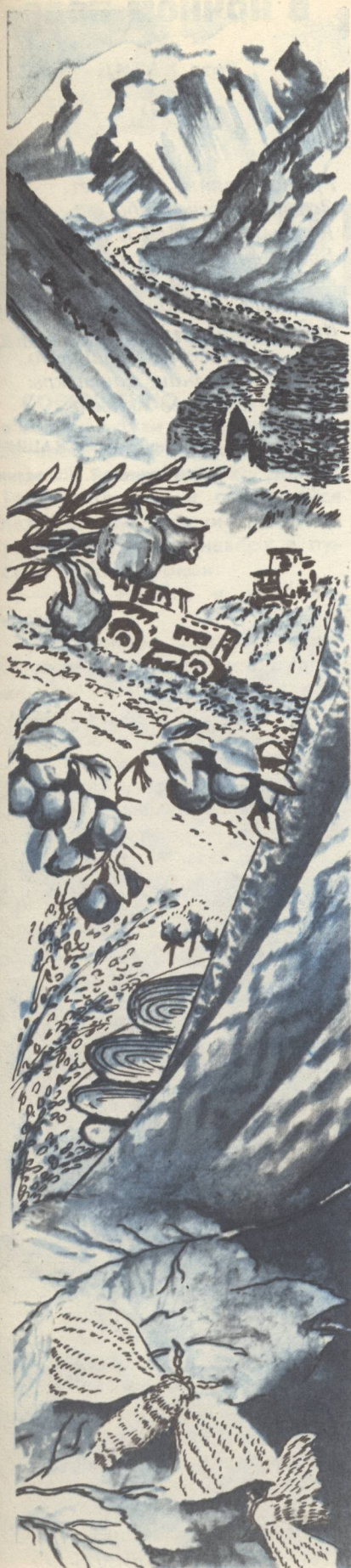
Горы упрямо не хотели отдавать своих тайн. Но люди были упрямее гор. Они пришли на ледник в следующее лето и достроили то, что начали год назад. Люди не могли вернуться к намеченному сроку, но обсерваторию все же построили и 8 декабря 1933 года салютовали взвившемуся над ней красному флагу.

Почти полвека прошло с тех пор, но и ныне каждый год прилетают сюда ученые-зимовщики. Ни на час не прекращается работа на Крыше Мира.

Не сразу открыли свои кладовые упрямые горы.

В 1924 году газета «Советская Киргизия» обратилась к своим читателям с просьбой сообщить, не знают ли они, где в горах есть полезные ископаемые? Ни одного письма не пришло в ответ. А дело в том, что среди кочевников-киргизов не было ни одного грамотного. Никто не мог прочитать призыва газеты и тем более написать письмо.

Через десять лет газета повторила свой призыв и в редакцию поступили сотни писем. Одно было такое: «В 26 километрах от станции Кара-Су, в местности Тешик-Таш, со склона горы течет нефть, впадая в реку Карадарью. Этот

нефтяной источник замечен давно, но им никто до сих пор не интересуется». А пастухи Нарынского района спускались с горных пастбищ и нашли золотую россыпь. Полюбовались они на богатство, отобрали крупные золотые зерна и отправили вместе с запиской в город Фрунзе — столицу Киргизской ССР.

Раньше в Киргизии добывали только уголь. Издавна был там известен старый шахтерский городок Кызыл-Кия. Шахты принадлежали здесь горнопромышленнику Батюшкову. Скуп и грозен был хозяин шахт. Впроголодь жили шахтеры. Не выдержали они и в феврале 1912 года объявили забастовку. На переговоры с Батюшковым пошли киргиз Садыков, русский Старков, украинец Сильвестрюк, узбек Юлдашев, татарин Гафуров и поляк Новицкий. Рабочие требовали увеличения зарплаток, отмены штрафов, выплаты пособий по болезни. На помощь хозяину пришла полиция. Но шахтеры стояли на своем, и в конце концов хозяину пришлось сдаться. Забастовку рабочие выиграли.

В ноябре 1917 года шахтеры установили в Кызыл-Кии Советскую власть. Удержать ее было не просто. Нападали на Кызыл-Кию белогвардейцы, устраивали набеги басмачи. По сигналу тревоги шахтеры поднимались из забоев, разбирали винтовки и — в бой! И не смогли враги сломить защитников Кызыл-Кии.

Сегодня Киргизия дает стране не только уголь и нефть, но и сурьму, ртуть, олово, полиметаллы.

А если спуститься с гор в плодородные долины Таджикистана, то сначала ледяные ступени сменяются каменными, потом на них начнет пробиваться трава, дальше — можно попасть в лес, еще дальше — в гранатовые рощи, можно отдохнуть под ветвистой кроной грецкого ореха, посидеть у кустов миндаля и фисташки и выйти, наконец, на хлопковые и рисовые поля, войти в абрикосовые сады и виноградники. Здесь вам встретятся и

какие-то странные деревья: стволы у них голые, ветви не то спилены, не то отсохли да отвалились. Уродцы!

— Что вы, что вы! — удивились бы таджики, услышав такое. — Это очень хорошие деревья! Им цены нет! Ягоды — для людей, листья — для шелкопряда. Это тутовник.

Веками славились таджики выделкой шелковой нити. Не было на Востоке ткани красивее шелка, и не было изнурительнее труда ткачей-шелкопрядов. У купцов покупали они яички шелковичного червя — грены, складывали по темным, сырым углам своих домов и ждали прихода тепла. По весне из грены появлялись крошечные червячки. Наступали дни, когда червячки выгоняли людей на улицу, а сами знай себе поедали тутовые листья, росли, расплзались, повисали везде, и выпускали из себя тончайшую шелковую нить. Тянулась и тянулась нить, достигала километровой длины. Червячки обматывались ею и замирали в созданном ими же коконе.

Ткачи возвращались в свои дома. Собирали коконы и варили, распаривая в чугунных котлах, вылавливали крючком тонкую шелковинку и подтягивали ее к веретену. Крутились, разматывались в котлах коконы, поскрипывало веретено, скручивая из паутинных шелковинок тонкую нитку...

Долгие недели висел над домами ткачей едкий запах разлагавшихся в коконах куколок. Свиристествовали в поселках страшные болезни — чахотка, трахома.

О тех давних временах разве что старики помнят. Исчезли из дома таджика грены и коконы. А зайдет о них речь, люди показывают большой гренажный завод, шелковый комбинат, шелкомотальную фабрику, сотни коконосушилок. Знаете, сколько шелка выпускается в республике? Полосой тканей, выпускаемых только одним Ленибадским шелковым комбинатом за один год, можно опоясать по экватору земной шар!

По-новому живут сейчас на

своей древней земле таджики. Все народы нашей страны помогают республике стать цветущей, богатой, сильной.

На реке Сырдарье построена электростанция, которую назвали «Дружба народов». Вместе с таджиками ее строили москвичи и ленинградцы, соседи узбеки снабдили стройку электроэнергией, соседи казахи прислали металл, автомобилестроители Горького, Минска, Ярославля — могучие машины, воронежцы и уральцы — экскаваторы.

Перегородила плотина реку, образовала Большое Таджикское море. Загудели турбины, побежал по проводам электрический ток.

А строители ушли новую плотину возводить, новую гидроэлектростанцию строить — Нурекскую ГЭС. Неукротимый Вахш укрощать. Над стремительной рекой встала в горах плотина. Рядом с нею вырос город.

И, наверное, нужно рассказать еще об одном караване.

Он тоже шел по узким и извилистым горным тропам Памира. Из киргизского города Ош в таджикский город Хорог.

Было это в 1926 году. Караван сопровождали пограничники — в горах еще не перевелись недобитые басмачи.

Далеко-далеко на севере в городе Ленинграде рабочие отлили из бронзы бюст Владимира Ильича Ленина. Огромный путь через всю страну проделал он по железным дорогам и вот теперь неторопливые верблюды поднимали его по отвесным кручам.

Много писем написали рабочие Хорога, прося прислать им памятник Ильичу, даже ходков посылали в Москву и Ленинград. Своего добились: караван доставил им ценный груз.

И весь город сбежался посмотреть на памятник великому вождю. Тут же обтесали большой каменный куб. На него поставили второй, поменьше. И на нем уже укрепили отлитый из бронзы бюст Владимира Ильича Ленина.

Л. ГАВРИЛОВ,
В. СУСЛОВ

В НОЧНОМ ПОЛЕ

Риза ХАЛИД

*Гром отчаянно грохочет.
Затянули тучи небо.
Разгулялся ветер к ночи,
Будто волк завыл свирепо.*

*Торопись, скакун мой быстрый,
Видишь:*

*мраком все закрыто.
Блещут молнии, как искры
Из-под конского копыта.*

Перевел С. КАШИРИН

Рисунок Т. Капустиной

ПОДАРИЮ СЫНУ ГОРОД

Александр ГОСТОМЫСЛОВ

Рисунок О. Филипенко

СОВЕРШЕННО НЕЗАМЕТНО я сбился с пути и заплутал среди заборов, огородов, сараев, новых незаселенных домов. Тогда подошел к строящейся пятиэтажке, сложил ладони у рта и крикнул наверх в пустые провалы окон:

— Как пройти к хлебопекарне?

Осторожно звякнуло стеклышко. Из прозрачной будочки башенного крана выглянула девушка. С удивлением посмотрела на меня и указала:

— Туда иди.

Пошел и за домом уперся в старый забор. Нашелся огромный сугроб из твердого, как камень, снега. Забрался по нему наверх и... Ограда оказалась высокой, поэтому упал с шумом. Пока отряхивался от снега, подошла строгая женщина — вахтер.

Она проверила мои документы и рассердилась:

— Проходная — вот!.. Нет, все через забор лезут...

Я стал извиняться, но она не захотела слушать и ушла.

Хлебопекарня — белый плоский дом. Мне дали белый халат и только потом разрешили пройти внутрь. Первое отделение оказалось небольшим. Здесь пахло булкой и сдобой так, что с мороза закружилась голова.

— Это булочная, не спутай с кондитерской, — предупредила улыбчивая Анна Петровна, мастер булочного цеха.

Из большой дежи выплывало и свешивалось желтое, маслянистое тесто. Мастер его

подхватывала и заталкивала обратно кулаками. Но едва она отворачивалась, тесто снова начинало выползать. Тогда женщина стала быстро вытягивать тесто из дежи, так, что оно свешивалось кулем, отрезала по краю длинным ножом и кидала на стол. Из него катала кругляши, сверху мазала сметаной, клала на противень.

— В тесте сахар, маргарин, яйца, сметана... Сейчас суну в печь, подымутся, подрумянятся и получатся сибирские шанежки.

Даже сырыми шанежки выглядели аппетитно.

Но одними шанежками город не накормишь, нужен хлеб.

Следующее отделение просторное, его уже можно назвать цехом. Здесь пахло кислой закваской и горячим, поджаристым белым хлебом.

Молоденький слесарь Оська принял надо мной шефство и взялся ввести в курс дела. Громяхая сапогами по железному полу, привел на середину цеха и гордо показал свою подопечную — машину для подъема дежи с тестом. Нажал черную кнопку, машина послушно зарычала. Оська гордо посмотрел на меня.

— О хлебе поговорите с Надей, — посоветовал Оська. — Она наша, здешняя, после школы окончила техникум в Абакане и сюда вернулась. Самая неотказная в работе. Молчаливая. — Потер покрытый легким пушком подбородок. — А может и не будет она с вами говорить?.. Горячая! Начальству все в глаза режет.

Показал Надю глазами. Она в упор глянула на Оську, он вспыхнул, покраснел и торопливо зашагал из цеха.

Пекарь Надя Верзилова свирепо глянула из-под челки.

— Чего говорить-то? Сейчас только директора отругала: техника на износ работает! На капитальный ремонт пора!

— А он что?

— Тоже отругивается. Да и понять его можно — прежде четыре тонны хлеба пекли, хватало. Теперь девять даем — а все мало. Ведь полгода как городом стали. Из других мест приходится хлеб привозить.

На краю цеха склад муки. Ушастые мешки сложены поленницей. Надя кувыркнула один на подъемник, одним движением вспорола. Рычаги подняли мешок, и мука высыпалась в просеиватель «Пионер».

С другой стороны подкатила большой чан — дежу. В него стала сыпаться мука. Зарычала тестомесильная машина, опустила вниз трехпалую руку и стала замешивать тесто. Надя придерживала дежу руками и что-то шептала, словно уговаривала машину месить тесто старательнее.

Готовое тесто густо пыхало в дежах, медленно лопались ленивые пузыри. Тесто сыто дышало. А вокруг продолжалась не имеющая конца работа.

Надя закатила дежу на подъемник. Нажала черную кнопку. Машина зарычала и — ни с места.

— Оська! — свирепо закричала Надя.

Он вырос будто из-под зем-

Окончание.

См. «Костер» №№ 8, 9, 10, 1982 г.

ли. Завозился с ключами, что-то бурчал под нос, сердито выговаривал машине! Машина послушалась, подняла дежу наверх и опрокинула в объемистый бак тестоделателя.

— Во, подчиняется! — засиял Оська. Но Надя даже не взглянула на него. Угрюмо завыв мотор тестоделателя, снизу выполз шмат теста и шлепнулся в точно подставленную Надей форму. Тесто падало быстро, как сочные большие капли, так же быстро Надя подставляла формы, и они уплывали по конвейеру ко второй печи, где работницы с гулом швыряли их в печь на движущиеся люльки.

Вот хлеб посажен.

От быстрой работы Надя порозовела. Полотенцем вытерла щеки.

Оська стоял в сторонке и восторженно смотрел на Надю. Вдруг он насторожился, вытянул шею, гулко топая сапогами по железному полу побежал по цеху, громадным прыжком перемахнул через конвейер, заглянул в первую, уже давно загруженную печь и с силой ударил красную кнопку, остановив движение люлек в печи.

В ЦЕХЕ продолжали гудеть моторы, стоял ровный гул, и я ничего не услышал и не понял. Но все три пекаря сбежали к печи, торопливо пришагал сухощавый механик.

Оська пристально вглядывался в зев печи:

— Люльки погнуло.

Я тоже заглянул через головы и увидел мятое железо, рассыпанные по поду буханки. Люльки с хлебом заклинило, им не подъехать к зеву печи.

— Надя, выручай хлеб! — вскрикнула пожилая работница.

Сердито нахмурилась Надя:

— Не достать.

Во дворе пекарни раздался шум. За окнами проехали машины с надписью «Хлеб», за ними трактор протаскал прицеп с огромным хлебным ящиком, «скорая помощь» примчалась из больницы, мерным шагом прошла заиндевелая лошадка с окованным сундуком на розвальнях.

Наступило время выдачи хлеба.

В цех вошел, остановился у входа и снял шапку возчик с кнутом, за ним растерянные грузчики, торопливые шоферы, тракторист в замасленном ватнике. Всех растолкал рослый санитар, надеясь получить без очереди.

Оська смотрел на них не мигая. Город ждет хлеб, а хлеб — вот он, горит в печи!

— Оська, выручай!.. — простонала Надя.

Вздрогнули пушистые Оськины брови, он сжался и напружинился. Опустил уши шапки, подпернул ворот свитера до глаз, надел новые брезентовые рукавицы и решительно нырнул в печь. Мех на заячьей шапке зашевелился.

Не раздумывая, Надя сунула голую руку в дрожащий жар печи и поймала Оську за сапог. Оська лягнул ее, уполз дальше и — замер. Механик побледнел, дрожащими руками схватил длинный стальной крюк и согнувшись у пылающего жаром зева, стал прицеливаться, чтобы зацепить наверх.

Оська вдруг пошевелил сапогами, сел на корточки и протянул Наде форму с хлебом.

Капли пота, словно прозрачные фасолины, покрывали мальчишеское лицо.

Дрожащими губами Надя улыбнулась ему:

— Шапку не сожги...

Оська не ответил и зло швырнул из печи еще одну строенную форму с дымящимся хлебом. Руки у Нади были заняты. Мы с грузчиком подхватили форму и — разом взвыли! Толкаясь и обгоняя друг друга, выбежали на улицу, стали заталкивать обожженные ладони в снег.

Следом выбежала Надя.

— Надо же рукавицы надевать, — смазала чем-то волдыри, и боль ослабла.

Оська ворочался в печи как медведь и вышвыривал форму за формой. Механик положил крюк, помялся еще, натянул шапку покрепче, крикнул:

— Подвинься, — и, держа в зубах незажженную папиросу, полез в печь.

В четыре руки работа пошла быстрее. Потом оба вылезли, ломая вытащили погнутые люльки. Оська нажал на черную кнопку, и печь ожила, очередная люлька с хлебом подплыла к краю печи. Пекари выхватывали формы и сразу по три буханки вытряхивали на конвейер. Исходящие жаром и ароматом буханки уплывали через окошечко в кладовку. Надя убежала туда, я пошел следом.

Около девушки на пустой тележке лежала лишняя пара рукавиц.

— Для кого это?

— Если кто придет помочь.

Кое-как я натянул рукавицы на волдыри. Из хлебной горы мы стали выхватывать сразу по несколько буханок и укладывать на тележки. Ровно по сто буханок на тележку.

Когда буханки перестали падать с конвейера, я с трудом выпрямился. Рукавицы были горячи и сладко пахли горячим хлебом.

— Вам шанежку принесли, идите, поешьте, — сказала Надя.

— А вы?

В это время стали разгружать вторую печь и опять посыпались с конвейера желтые кирпичи. Мы стали ловить их и укладывать на новые тележки.

На обеденном столе стыла пышная, с желтой сердцевинкой румяная от сметаны шанежка. Но подойти к ней было некогда. Обе печи работали вовсю, и их надо было наполнить хлебом. Потом подошло время готовить тесто. Надя металась по цеху. Молчаливость ее меня злила. Но я все еще надеялся ее разговорить:

— Было у вас что-нибудь такое, что бы начиналось со слова «однажды»?

Влажным полотенцем Надя смахнула пот из-под челки.

— Однажды? — и как отрубил: — Не было у нас «однажды». Хлеб человеку каждый день нужен. Верно, Ося?

Оська вспыхнул, заалел, завязкал ключами, но остался, не ушел.

— Вот однажды у нас новый хлебозавод откроют, — баском сказал он. — Это будет солидное «однажды». Вы там были уже?

Я заторопился и забыл про шанежку. Вышел из пекарни, увидел машины с надписью «Хлеб». Ловкие мужички, покраивая с мороза, шустро грузили поджаристые буханки. Один от щедрот своих одарил меня коркой хлеба.

— Пожуй, еще теплая.

Суровая вахтерша узнала меня и нахмурилась. Я спросил, как пройти на новый хлебозавод.

— По проулку, до улицы Калинина и иди по ней. Прямо к заводу выйдешь.

Улица Калинина — в два ряда тополя, фонари, рубленные дома под шифером. Посмотришь в одну сторону — в дымке горы, посмотришь в другую — опять к горам уходишь. Издали завод кажется игрушечным, но подходишь,

и он медленно выплывает из дымки, становится выше гор.

За широкой дверью запах бетона, сварки, сосновых досок.

Все начальство сидело в маленькой комнатке. С этажерки оно брало книги по хлебопечкарному делу и изучало чертежи новых машин.

Технолог завода Татьяна Николаевна Марейчева, полми пальто смахивая цементную пыль с крутых железных лестниц, повела меня с этажа на этаж, перешагивая через провода, доски...

В цехах стояли линии, машины, где будут печься батоны, шаньги, плетенки, рогалики, розанчики, калачи, где станут выпекать подовый круглый и формовой хлеб. Огромный бункер для опары, тестосмесительная камера, шкафы с автоматикой. И совершенно меня поразили размерами огромные бункера для хранения муки.

— Мука должна полежать, — объяснила мне Татьяна Николаевна. — Из свежей муки ничего хорошего не испечешь.

— Кто же станет управлять всем этим?

— Люди учатся в других городах на подобных заводах.

— Старая пекарня задыхается.

— Знаем. Торопимся. Работаем. Скоро начнем налаживать оборудование и тогда милости просим к нам на сибирские шанежки.

Когда я ушел с завода, уже начало смеркаться, солнце куталось в длинные тучи, снег посерел. Торопливо шагал по степной, открытой ветру дороге, отшатываясь от ревущих грузовиков. Быстро промерз, поднял воротник, засунул руки поглубже и в кармане полушубка нащупал остаток хлебной корочки. Сунул ее за щеку, и вроде стало теплее.

ТОРПЕДА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Рисунки Д. Титова

Президент был убит тремя выстрелами в упор в четверг, в 16 часов 05 минут, в тот момент, когда после завершения торжественной церемонии открытия нового культурного центра он направлялся к своей машине.

Стрелявший в президента был арестован тут же, на месте преступления. Им оказался сорокадвухлетний Джимми Браун, в прошлом солдат морской пехоты, затем мойщик машин на заправочной станции, ныне человек без определенных занятий, сравнительно недавно судимый за мелкое воровство и отбывавший тюремное заключение в течение шести месяцев. На вопрос, из каких побуждений он стрелял в президента, Джимми Браун ответил:

— Это мое личное дело. У меня с ним были давние счеты. Я должен был отомстить этому человеку, и я отомстил.

На вопрос, были ли у него сообщники и оказывал ли ему кто-либо помощь в организации покушения, Джимми Браун категорически ответил: «Нет» и добавил с оттенком гордости:

— Я все делал один.

* * *

— Как бы не так! — воскликнул Артур Гринвуд, выключая телевизор. — Как бы не так! Нужно быть круглым идиотом, чтобы в это поверить! Старая история! Убийца-одиночка! У него, видите ли, были давние счеты с президентом! А вы

обратили внимание, Юджин, на выражение лица этого типа, этого Джимми Брауна? Ведь ни страха, ни тени раскаяния — одно лишь удовлетворение от хорошо выполненной работы!

В тот момент, когда страна узнала о покушении на президента, Артур Гринвуд дописывал статью под названием «Схлынет ли волна преступлений?» По давней журналистской привычке Гринвуд не умел работать в тишине. Он стучал на портативной машинке, подавал короткие реплики своему старому приятелю Юджину Макклоу, который рассказывал ему о поездке на Ямайку, и время от времени бегло посматривал на экран телевизора — там завершался репортаж о торжественном открытии нового культурного центра.

Когда прозвучали хлопки выстрелов, оба, и Гринвуд, и Макклоу, не сразу поняли, что произошло. Толпа на экране, только что плотно окружавшая президента, вдруг словно бы распалась на два людских водоворота. В центре одного из них был президент, в центре другого — тот, кто стрелял в президента. Президента быстро пронесли к машине, еще раз мелькнуло на экране лицо покушавшегося, которого крепкой хваткой держали агенты секретной службы. И все кончилось.

— Нет, вы только подумайте, Юджин, — продолжал возмущаться Гринвуд. — Нам опять хотят подsunуть убогую версию преступника-одиночки! И вот увидите, эти старые ослы из следственной комиссии на нее клюнут! Я не сомневаюсь

в этом ни одной минуты. Хотите держать пари, Юджин, что так и будет?

— По-моему, вы слишком категоричны, Артур, — сказал Юджин Макклоу. — Вы торопитесь с выводами. Кто знает, может быть, это действительно маньяк-одиночка. Нельзя исключать и такой возможности.

— Ну да! — саркастически воскликнул Гринвуд. — Один маньяк стреляет в председателя конгресса «Народ за разоружение», другой выпускает семь пуль в сенатора, посмевшегося заявить, что в нашей стране сотни политических заключенных, третий — разумеется, тоже маньяк, — убивает президента как раз в тот момент, когда президент вступил в борьбу с кланом Миллеров... Не слишком ли много развелось нынче маньяков? И не слишком ли точно выбирают они свои цели? Вот именно — не слишком ли точно? Вы не задумывались над этим, Юджин?

— Я говорю только об одном: не нужно спешить с выводами. Нужны доказательства.

— Доказательства будут, Юджин. Я ручаюсь, доказательства будут. Вы знаете, Юджин, какую ошибку совершали все, кто писал о подобных преступлениях, кто пытался расследовать их самостоятельно, своими силами? Их ошибка была в том, что они слишком поздно принимались за это дело. Когда и многие свидетели были уже убраны и улики уничтожены. Мы с вами не повторим этой ошибки. Мы начнем наше расследование завтра же. Если, разумеется, вы изъявите готовность помочь мне в этом деле... И для начала... Для начала нам нужна биография Джимми Брауна, так сказать, полное его жизнеописание по дням и часам, чем подробнее, тем лучше. С этого мы и начнем.

* * *

Они встретились вновь в кабинете у Артура Гринвуда через неделю.

— Ну что ж, — сказал Гринвуд, — давайте посмотрим, чем мы располагаем. Но прежде всего, Юджин, я хотел бы обратить ваше внимание на показания Джимми Брауна, разумеется, на те, которые проникли в печать. Вам не бросается в глаза, как настойчиво Джимми Браун подчеркивает, что действовал в одиночку! Один, один, один! — он так и твердит об этом. И не кажется ли вам, что, когда человек столь упорно подчеркивает обстоятельство, которое, кстати сказать, не способно принести ему никакой выгоды, никакого облегчения участи, за этим что-то кроется? Не значит ли подобное упорство обвиняемого, что это кому-то нужно, что кто-то в этом заинтересован? Что вы на это скажете, Юджин?

— Возможно. Но с другой стороны, ведь действительно нет и намека на какой-либо заговор. Вокруг него — пустота. Я пытался выяснить его связи. Ничего, абсолютно ничего, никаких нитей, за которые можно было бы ухватиться. Так, мелкий сброд, наркоманы, бродяги... И никого больше. Остается единственная версия — маньяк-одиночка. Как бы вы против нее ни ополчились, Артур, но это самое реальное предположение.

— Однако этот маньяк-одиночка, между прочим, переезжает в течение нескольких месяцев из города в город вслед за президентом, оставаясь в отелях, пусть не в дорогих, но все-таки в отелях, покупает оружие... Я специально не поленился посмотреть все кадры кино- и телехроники с участием президента в различных массовых торжествах и церемониях. И знаете, что я обнаружил?

Он сделал паузу и произнес с явным торжеством:

— Почти во всех кадрах мне удалось обнаружить присутствие Джимми Брауна. Иногда он оказывался весьма близко от президента, но что-то, вероятно, мешало ему выстрелить. Или он ждал чего-то, какого-то сигнала, не знаю. Во всяком случае, он следовал за президентом по пятам. На какие, спрашивается, деньги? Вам не кажется примечательным этот факт, Юджин?

— Наличие денег у Брауна не доказывает, что он имел сообщников. В конце концов, в тюрьме, как мы знаем, он оказался тоже не за благотворительность. Так что мало ли откуда могли появиться у этого человека деньги...

— Допустим. Кстати, насчет тюрьмы... Тут есть одна очень любопытная деталь. Впрочем, к ней мы еще успеем вернуться. А теперь давайте, Юджин, все-таки попытаемся составить жизнеописание Джимми Брауна. Сразу отбросим его детские годы — там не просматривается ничего такого, что могло бы нас интересовать. Юность... Вот юность... Тут есть над чем поразмыслить. Тем более, что в печать проникли сведения, будто именно в юности будущий президент кровно оскорбил Джимми Брауна и будто именно с тех пор, по словам самого Брауна, он затаил ненависть к президенту.

— Вам кажутся правдоподобными эти рассказы? — усмехаясь, спросил Юджин.

Некоторое время Артур Гринвуд молчал, словно бы нарочно затягивая паузу. Потом сказал:

— Вы спрашиваете, Юджин, кажутся ли мне правдоподобными эти рассказы? Я вам отвечу. Джимми Браун провел свою юность в том же городе, что и будущий президент. Не правда ли, примечательное обстоятельство? Мы не можем исключать возможности, что их пути некогда пересеклись. Но это не все. Мне удалось выяснить, что именно тогда, когда Джимми Браун вступал в пору своей юности, его родители, владевшие двумя небольшими магазинами, разорились. Семейство же будущего президента было одним из самых богатых семейств в городе — можно допустить, что именно оно, это семейство, сыграло какую-то роль в разорении родителей Брауна.

— Но, Артур, — удивленно сказал Юджин Макклоу, — все, что вы сейчас говорите, работает именно на ту версию, которую вы отрицаете!.. Давние личные счеты и так далее...

— Не торопитесь, Юджин. Чтобы опровергнуть аргументы противника, надо прежде всего обнаружить их самые сильные стороны. Итак, допустим, что действительно Джимми Браун много лет тому назад, в юности, был тяжело оскорблен будущим президентом; допустим также, что семья

будущего президента сыграла некую зловещую роль в судьбе родителей Брауна. Тогда возникает один вопрос. Почему в течение многих и многих лет у Брауна не возникла мысль свести счеты со своим обидчиком? Почему она возникла только теперь? Более того. Я берусь утверждать, что мысль об убийстве президента возникла у Джими Брауна только после того, как он вышел из

— Все это звучит очень убедительно, Юджин, если бы не одно обстоятельство. Я побывал на родине Джими Брауна.

— Вы?

— Да, да, Юджин, я слетал туда, я встретился там с его матерью и сестрами. Все они в один голос утверждают, что не помнят какой-либо ссоры между Джими и будущим президентом.

тюрьмы. У меня хватило терпения просмотреть хроники с участием президента, относящиеся к тому времени, когда Джими Браун был еще на свободе. И вот что поразительно, Юджин, — ни в одном, я подчеркиваю, ни в одном кадре мне не удалось обнаружить Брауна. Следовательно, повышенный интерес к президенту возник у него лишь после пребывания в тюрьме. Заметим это. Это существенно.

— Но это же вполне объяснимо, Артур. Человек попадает в тюрьму, он заново прокручивает перед собой всю свою жизнь, особенно обостренно воспринимает все свои прошлые неудачи и обиды. Они у него гиперболизируются, разрастаются до невероятных размеров, мучают его, заставляют искать возможности отыгаться. А тут еще постоянная мысль о том, что в то время, когда он раздавлен жизнью, когда, униженный и отвергнутый обществом, вынужден валяться на тюремной койке, его ровесник, росший в том же городе, что и он, достиг вершин успеха. Он — президент. Да одна эта мысль может кого угодно свести с ума...

Они не допускают такой возможности. Более того — они уверяют, будто Джими вообще никогда не встречался с будущим президентом...

— Что же тогда — все это плод его большого воображения?

— Не знаю. Не могу сказать определенно. Мать Джими и его сестры — люди малообразованные, запуганные, возможно, они просто боятся сказать правду. Во всяком случае, ни доказать, ни опровергнуть тот факт, что Джими Браун в юности встречался с будущим президентом и был оскорблен им, мы пока не можем. Запомним это. И вот что мне кажется, Юджин: разгадку этой истории несомненно надо искать в тюремной камере. Поверьте моему чутью, именно там, в тюрьме, с Джими Брауном произошло нечто такое, что перевернуло его жизнь. Что именно случилось с ним там — вот главный вопрос, на который мы с вами должны попытаться ответить. А потому завтра же я еду в тюрьму. Вас же, Юджин, если энтузиазм ваш еще не иссяк, попрошу по мере возможности проследить, как вел себя Браун сразу после выхода из тюрьмы...

— Итак, Юджин, я побывал в тюрьме. Образно говоря, я обнюхал там все углы и облизал все закоулки. И я обескуражен. Я вам честно признаюсь, Юджин: я совершенно обескуражен. Надзиратели, которые знали Джимми Брауна, в один голос клянутся, что он ушел из тюрьмы точно таким же, каким туда явился. И я думаю, им нет смысла лгать. Хотя, конечно, поручиться на все сто ни за кого нельзя. Но если верить моей интуиции, интуиции старого газетного волка, они говорят правду. И они уверяют, что не замечали за Джимми Брауном никаких странностей, ничего такого, что выделяло бы его среди других клиентов их богоугодного заведения. «Джимми Браун не мог убить президента! — вот что они мне сказали. — Он не тот человек. Он из тех, кто играет только на мелкие ставки». Тем не менее он убил — уж в этом-то нет никаких сомнений. Не двойник же Джимми Брауна в конце концов стрелял в президента!

— А почему бы не допустить и такую возможность? — сказал Юджин.

— Нет уж, это было бы чересчур сложно! Еще немного, и я, кажется, начну склоняться к мысли, что Джимми Браун действительно маньяк-одиночка. Хотя разум мой протестует против такой версии. Однако, вы знаете, Юджин, мне удалось установить, с кем вместе пребывал Джимми Браун в тюремной камере на протяжении всех шести месяцев. И здесь не за что зацепиться! Все тот же мелкий, невыразительный сброд! У меня было еще одно предположение — посетители. Мог же кто-то посещать его в тюрьме. Я надеялся отыскать некую таинственную личность, которая являлась к Джимми Брауну, я был почти убежден, что такой человек должен был отыскаться. Я предполагал, что именно эта таинственная личность... Впрочем, что долго распространяться... Я никого не нашел, Юджин. Ни единая душа, если верить тюремному журналу, не посещала Джимми Брауна! Ни единая душа, за исключением тех, кто обязан это делать по долгу службы — тюремный священник и тюремный доктор. Я разговаривал со священником. Он так же, как и надзиратели, уверяет, что не заметил в характере Джимми Брауна никаких перемен. «Но может быть, беседуя с вами, — спросил я священника, — Джимми Браун упоминал о своей юности, об обидах, нанесенных ему тогда, говорил что-нибудь о неудавшейся жизни, сетовал на судьбу?» — «Нет, никогда. Вообще, он не особенно был склонен к душевным беседам», — сказал священник. Это все, что мне удалось от него добиться. Одним словом, Джимми Браун вышел из тюрьмы все тем же Джимми Брауном, что и вошел в нее. Это мы, пожалуй, уже можем утверждать точно. Единственно, с кем мне не удалось встретиться, это с тюремным врачом. Он больше не работает в тюрьме. На

всякий случай я попросил, чтобы мне навели о нем справки. Но я не думаю, что он сумеет добавить что-нибудь новенькое к тому, что я услышал. Итак, Юджин, загадка остается. А что у вас? Что вы сумели выяснить?

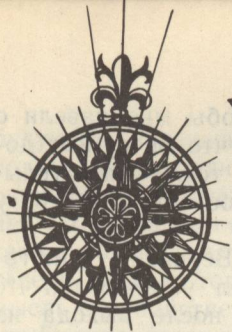
— К сожалению, немного. Вероятно, я не гоюсь в детективы. Я не сумел установить, что делал Джимми Браун сразу после выхода из тюрьмы. След его теряется. Скорее всего он бродяжничал или жил у случайных знакомых. Где и как именно — неизвестно. Во всяком случае, в родном городе он появляется лишь спустя три с лишним месяца после того, как снял арестантскую робу. И вот дальше уже его путь хорошо прослеживается. Переезды из города в город — начинается та самая погоня за президентом, о которой вы говорили... Это все, что мне удалось собрать.

Гринвуд некоторое время молчал, задумавшись. Потом он стукнул себя кулаком по колену и сказал:

— А ведь в этом что-то есть, Юджин! Вам не кажутся наводящими на размышления, по крайней мере, два обстоятельства? Первое. Человек вышел из тюрьмы, человек только что сбросил, как вы выразились, арестантскую робу, ему до черта надоели все тюремные порядки, решетки, замки, надзиратели... Ему хочется отдохнуть от всего этого, отойти... Куда же его потянет в первый же день? Куда? Ну вот так, чисто психологически... Домой, конечно же, домой, к родным, к домашнему, что называется, очагу. И Джимми действительно появляется у домашнего очага, но появляется лишь три месяца спустя. Что же он делал эти три месяца? Что мешало ему сразу же приехать в родной город? На этот вопрос мы пока, к сожалению, не можем ответить. Обстоятельство второе, еще более серьезное. Если исходить из нашей прежней версии, будто именно в тюрьме с Джимми Брауном произошел некий решающий перелом, то естественно было бы предположить, что свою охоту за президентом он начнет сразу же, едва только окажется на свободе. Но теперь мы знаем, что этого не случилось. Погоня за президентом начинается только спустя три месяца. Опять эти три месяца!

— У меня такое ощущение, что мы с вами вышли на верный путь, — сказал Юджин.

— Но что толку! Что толку, если путь этот привел нас в тупик! — в досаде воскликнул Гринвуд. — Если он оборвался, едва наметившись, и перед нами — пропасть, обрыв. И ни одной зацепки, ни одной даже крошечной зацепки, которая могла бы помочь нам. И все-таки не будем терять присутствия духа, Юджин. Впрочем, я, кажется, уговариваю не столько вас, сколько себя. Давайте прервем наше разбирательство до завтра и подумаем еще раз: не пропустили ли мы какую-нибудь деталь, какую-нибудь мелочь, за которую можно было бы ухватиться. Итак, до завтра!

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. ПОПОВА

Год издания — 26-й

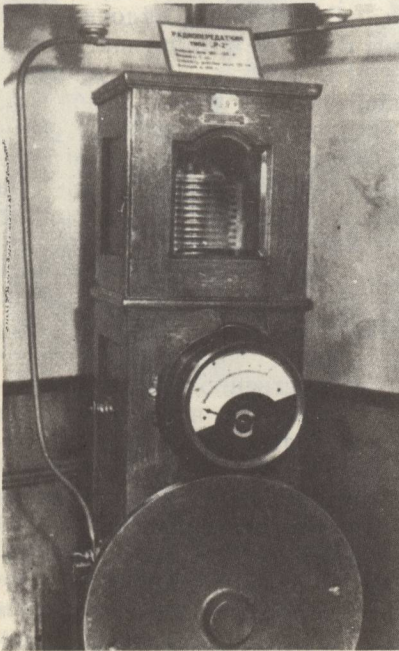
ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

На «Авроре» все напоминает об исторических днях. Каждый предмет, каждая дощечка на палубе...

Вот прожектор на марсовой площадке. Это его мощный луч освещал набережную и Зимний.

Вот баковое орудие. Из него командор Евдоким Огнев дал холостой выстрел — сигнал начала штурма Зимнего...

Радиостанция крейсера. Здесь все сохраняется как было когда-то. Радиостанция — тоже память о днях революции.

...Кончалась ночь. Начиналось утро 25 октября. По улицам двигались отряды — в серых солдатских шинелях, в черных бушлатах, в рабочих тужурках. Блестели штыки, стучали по бульжникам кованые колеса пулеметов. Отряды стягивались к Дворцовой площади.

В этот утренний час с крейсера окликнули подошедшую шлюпку:

— Кто такие?

— Связной из Смольного! Срочный пакет!

Связного окружили матросы:

— Что в Смольном? Как Ленин?

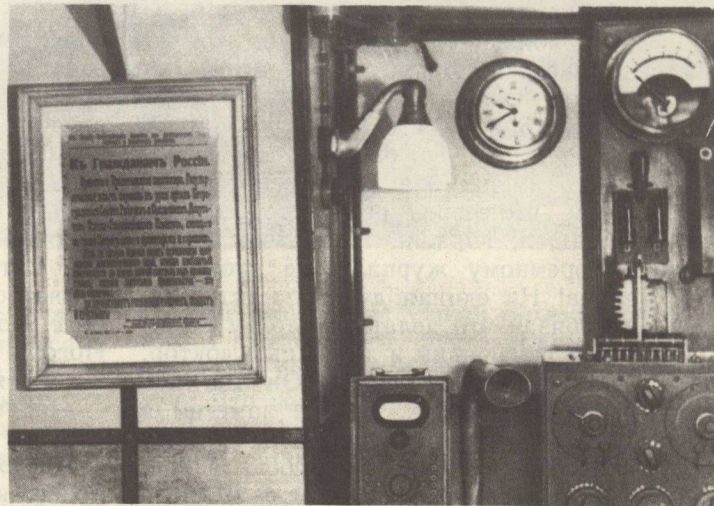
— Все в порядке! В пакете — воззвание. Его написал Владимир Ильич. Радиостанция на крейсере работает хорошо?

— Можем связаться хоть с Парижем!

— Вот и отлично! Нужно чтобы воззвание Ленина услышала вся Россия...

Радиостанция заработала: «Всемирно! Всемирно! К гражданам России! Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено... Всемирно! Всемирно! Всемирно!..»

Фото А. Гессель

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ

На корабле самый главный документ — вахтенный журнал. В нем кратко и точно вахтенный офицер записывает все самое важное, что случается на корабле.

Вышел корабль в море — в вахтенном журнале появится запись: «Такого-то числа во столько-то часов и минут снялись с якоря...»

Перешел, скажем, корабль экватор — событие достаточно важное, и в вахтенном журнале будет записано и об этом.

Или в бой корабль вступит с врагом — снова точные записи: когда

орудия открыли огонь, как изменялся курс, куда попадали снаряды врага, как действовала команда...

Вахтенный журнал — краткая история корабля. Если корабль гибнет, прежде всех важных бумаг спасают вахтенный журнал...

Страницы в одном журнале кончатся, начинают заполнять другой журнал, новый, а старый сдают в архив — хранить вечно.

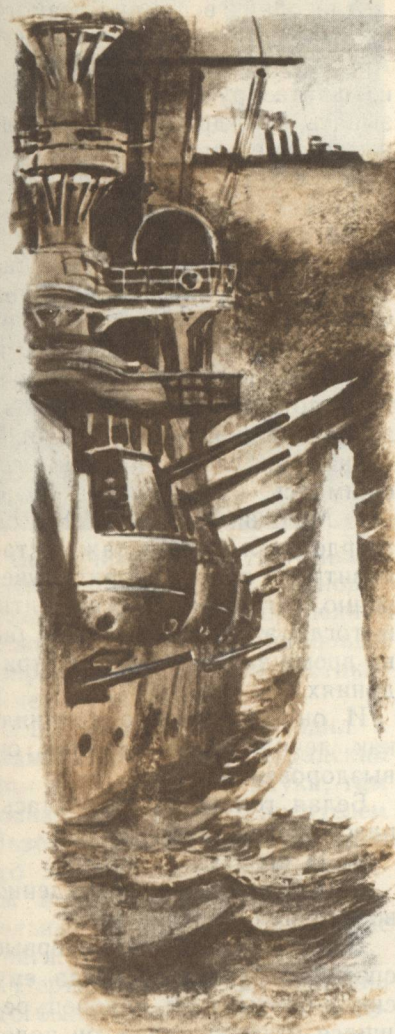
Есть вахтенный журнал и на крейсере «Аврора». И если перелистать страницы за последние месяцы 1917 года, найдешь такую запись:

«25 октября в 9 часов 45 минут вечера крейсер «Аврора» согласно приказу Военно-революционного комитета произвел условный выстрел по Зимнему дворцу для того, чтобы заставить Временное правительство сдать власть Советам».

Для многих история крейсера «Аврора» именно с этого момента и начинается — с исторического выстрела по Зимнему дворцу.

Про это книги написаны и поэмы сложены. Но в истории крейсера были и другие интересные, трудные и героические страницы...

ОДИН ПРОТИВ ДЕВЯТИ

Э то случилось в Цусимском проливе. Россия вела войну с Японией, и на Дальний Восток была послана эскадра русских кораблей. Еще ночью, накануне боя, радист «Авроры» услышал в эфире радиопереговоры многих кораблей — это могла быть только японская эскадра. А на рассвете сигнальщики «Авроры» увидели первый японский крейсер. Орудия «Авроры» были наготове, и крейсер пошел в атаку. Но японский крейсер был не один. Вслед за ним из-за островов вышли еще восемь крейсеров...

Начался неравный бой. Грохотали орудия, звенели, падая на палубу, пустые гильзы шестидюймовых снарядов, визжали по броне осколки, вскрикивали раненные... Вот уже все девять японских кораблей стреляют по «Авроре». Вот уже убит ее командир. Но и снаряды «Авроры» наносят урон врагу. Наши корабли не могли прийти «Авроре» на помощь: они сами вели тяжелый морской бой. То один, то другой японский крейсер выходил из боя с тяжелыми повреждениями. Но и русский крейсер едва держался. Но флаг «Аврора» не спускала. С пробитыми бортами, расстреляв почти все снаряды, крейсер, пользуясь наступившей ночной темнотой, — ушел...

Пробоины потом заделали — их было несколько десятков — так что сейчас, глядя на красавец-корабль, не найдешь, где они и были... Но одну пробоину моряки сохранили. Ее вырезали из борта как есть — с развороченными снарядами краями, сделали рамку из досок палубы «Авроры», а в пробоину вставили фотографию погибшего командира «Авроры», капитана первого ранга Евгения Романовича Егорьева... Эта удивительная фотография сохранилась до наших дней. Она теперь — в музее крейсера.

РУССКИЕ ПРИХОДЯТ НА ПОМОЩЬ...

П осле русско-японской войны «Аврора» числилась учебным кораблем Балтийского флота. Она ходила в дальние плавания, и на ней учились молодые моряки. В декабре 1908 года крейсеру случилось стоять на рейде итальянского города Мессина. Ничто не предвещало несчастья. Море было спокойным, а ветер едва развеивал вымпел крейсера. Вдруг внезапный гул раскатился по поверхности моря. Землетрясение! На суше от сильного толчка разрушились почти все дома, а в море поднялась гигантская волна. Волна обрушилась на набережную, смывая обломки зданий, лодок, кораблей. И унося в море людей... Когда землетрясение окончилось, туча дыма и пыли стояла над разрушенной Мессиной... Тотчас же с русского крейсера к набережной пошли шлюпки с матросами. На шлюпках везли еду и воду в анкерах-бочонках. Русские моряки шли спасать тех, кто еще мог уцелеть под развалинами домов. Без сна и отдыха несколько суток трудились русские моряки — разбирали обломки, вытаскивали пострадавших, перевязывали, кормили, отводили в безопасное место.

Потом «Аврора» ушла из Мессины — продолжать плавание. Но итальянцы не забыли о русских. Власть Мессины написала в Россию, что они хотели бы вручить русским морякам памятные медали за спасение людей...

Прошло три года, и русский крейсер снова встал на рейде города. Моряков с «Авроры» итальянцы встретили как самых близких друзей.

Одна итальянская газета в день вручения русским медалей писала: «Мы обращаемся к храбрым русским морякам, с которыми нас так сблизило несчастье, с самыми сердечными приветствиями. Если грустные воспоминания об этих печальных днях еще живы, не забудутся, то вечны и наши благодарность и признательность...»

Есть одна дружина

Среди пионерских дружин Ленинграда есть одна, которая носит имя Краснознаменного крейсера «Аврора», это 152-я дружина.

Ее пионеры проделали очень большую работу. Они изучали историю крейсера, собирали документы, разыскивали моряков, служивших на крейсере в разные годы. Со многими моряками ребята встречались и слушали их рассказы. А во время беседы включали магнитофон и записывали воспоминания авроровцев на пленку.

ОНИ ПИШУТ ДЛЯ ВАС

Есть ли вода в Море Дождей?

От взрыва бомбы раскололась крыша, дрогнул пол комнаты. Мальчик за руку вытащил бабушку на улицу. Оглянулся — преступно ярко светили окна их квартиры с разорванной в клочья светомаскировкой. Скорее обратно — выключить свет! Вбежал в комнату, протянул руку к выключателю, в этот момент завывала новая бомба...

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что лежит, засыпанный обломками кирпичей, а на нем дубовый с толстыми ножками стол. Падая, он прикрыл его и спас.

Так началась война и блокада для Анатолия Томилина. Было тогда ему тринадцать лет.

Через полгода умерла бабушка, отец был на фронте, остались они вдвоем с матерью. Скитались по чужим углам, голодали страшно.

В школе, где мать работала учительницей, открыли госпиталь, она стала санитаркой, а Толя — книгоношей. Зимой мальчик так ослаб, что книги стали для него непосильной тяжестью. Но он не хотел оставить дело, все равно приходил в госпиталь и пересказывал раненым прочитанные книги. Рассказывал, обрывая каждый раз на самом интересном месте...

К нему привыкли раненые, его полюбили врачи:

— Толя, молодому бойцу порохом сожгло лицо. Ему сегодня операцию делали на глазах, Расскажи что-нибудь, чтобы ему было полегче.

Анатолий сел на табуретку рядом с койкой раненого.

— Подожди, — попросили его другие. Кто мог — пришел сам. Других везли на койках.

Анатолий вспомнил самого красивого героя, какого знал — Арамиса из «Трех мушкетеров» и, фантазируя, начал рассказывать, как дрались благородные мушкетеры, как взорвался порох в Ля Рошели, как ослеп Арамис и впал в отчаяние.

Мигала коптилка из снарядной гильзы. Люди, окружавшие мальчика, не двигались. Лишь человек с забинтованной головой сел на койке, наклонился, чтобы лучше слышать. Он почти вплотную придвинул белую забинтованную голову и не пропускал ни слова, и губы его, сжимаясь, бледнели все больше. Мальчишка устал. Но он твердо знал, нельзя даже остановиться, надо говорить уверенно, тогда ему будут верить, и тогда эти раненые хотя бы на время забудут о своих страданиях.

И он вдохновенно сочинял, как лечили Арамиса, как он выздоровел...

Белая голова шевельнулась, разомкнулись губы:

— И он стал видеть?

— Конечно! — убежденно воскликнул мальчишка.

В тот вечер больной впервые спокойно заснул, а когда ему сняли бинты, и он, наконец, решил открыть глаза, он подозвал мальчишку и долго его разглядывал.

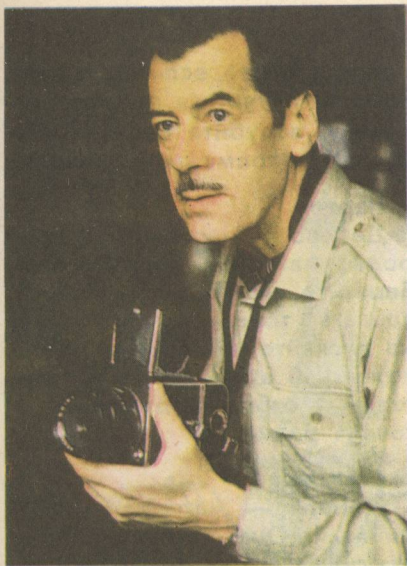
Война, блокада закалили его. Отец был военным инженером — летчиком. Решил стать летчиком и Анатолий. Авиационное училище — и вот уже он летает штурманом на бомбардировщике. Но... один из прыжков кончился печально — сломалась раненная во время войны нога. Пришлось снять военную форму.

Новый крутой поворот в жизни — Анатолий заканчивает электротехнический институт, преподает, защищает диссертацию, получает ученую степень. Казалось — судьба решена — преподаватель, ученый.

И надо ж было случиться — однажды они вместе с приятелем написали научно-фантастический рассказ, послали его в разные редакции. Отовсюду рассказ возвращали с самыми суровыми отзывами.

— Неужели не смогу?

Редакция попросила Анатолия Николаевича Томилина ответить на вопросы, которые чаще всего встречаются в письмах читателей.

— Анатолий Николаевич, ни с одной планетой Солнечной системы не было связано столько надежд, как с Марсом. Сначала — найти братьев по разуму. Потом — хотя бы следы органической жизни. Увы! Автоматические межпланетные станции разрушили надежды. Как вы относитесь к поискам жизни на других планетах?

— Мне так же, как всем землянам, хотелось бы верить, что мы не одиноки во Вселенной. Однако вероятность встретить цивилизацию, близкую нашей — ничтожна. Боюсь вас огорчить, но мне кажется, что ни нашему, ни следующему за нами поколению решить эту задачу не удастся. Правда, я исхожу из существующего уровня техники. А, как известно, ничто так легко не опровергается, как прогнозы.

— Если бы вас попросили назвать две книги о полетах в космос, которые ребята должны обязательно прочитать, что бы вы им предложили?

Сел учиться писать. Учился долго. Планомерно, основательно, как все, что он делает в жизни. И тут возник новый вопрос: наука или фантастика. В чем призвание?

Еще пионером он ходил в знаменитый ленинградский Дом занимательной науки, там познакомился с писателем Львом Успенским. Поразила его энциклопедическим знаниям и умению писать увлекательные научно-популярные книги.

Первая творческая поездка его была от «Костра». В те годы под Ленинградом тянули к городу нитку газопровода. Пригласили Томилина в редакцию журнала:

— Не хотели бы поехать в командировку?

Он поехал, написал очерк, а затем книгу — «Друг-невидимка» — про газ.

Потом опубликовал книгу «Занимательная астрономия». Поразила: пришло несчетное число писем от ребят, от тех, кто задумывался, как осваивать космос. Понял: писать о науке ему интересно.

После книг о космосе задумал для ребят написать трилогию про Землю. «Как люди открывали свою Землю?» — о великих путешествиях. Вторая ее часть будет — как люди изучали строение земли. Третьей будет книга про океан...

А как же Вселенная, звезды? Неужели с астрономией покончено? Ни в коем случае. В творчестве эта тема присутствует постоянно.

— На это трудно ответить объективно. Поток книг о космических полетах сегодня бесконечен. Но я больше всего люблю Жюль Верна «Из пушки на Луну». И Алексея Толстого — «Аэлиту».

— Почему, когда мы получаем с Венеры данные о ее грунте, обычно говорят, что это может помочь разгадать загадки происхождения Земли?

— Происхождение Земли и ее история — самые жгучие и самые интересные, на мой взгляд, вопросы. И Венера, с известным приближением, может считаться прошлым нашей Земли.

Писатель Томилин нашел своего читателя. Его книги — это книги для любознательных, для тех, кто читает не по заданию, а по велению сердца, кто постоянно стремится узнавать новое. Книги его переведены на японский, испанский, немецкий, французский языки.

Когда этот номер журнала уже сдавался в набор, вышла новая книга писателя «Есть ли вода в Море Дождей?» О Луне? Конечно. Интересная? Как и все предыдущие его книги.

**М. ВЕРХОВСКАЯ,
С. ИВОЛГИН**

Здравствуйтесь, ребята!

Сейчас я покажу вам волшебный строительный материал. Улыбаетесь, думаете это — обыкновенный деревянный брусочек? А знаете ли вы, что вся Древняя Русь была из дерева рублена? Именно рублена, потому что часто у далекого предка-мастера и инструмента иного, кроме топора, под рукой не было. И он одним топором себе избенку со всей мебелью справлял, княжеские палаты ставил, крепостными стенами да башнями город опоясывал, строил храмы невиданной красоты. Русское деревянное зодчество — неповторимая страница в мировой архитектуре.

Особенно славились умельцы Верхнего Поволжья. Не случайно Петр I специальным указом выписал в новую столицу «на вечное житье» несколько сот мастеровых из города Углича. Про угличан смело можно сказать — у них к плотничным и столярным работам талант наследственный.

Один из известных ленинградских строителей, кавалер ордена Ленина Анатолий Александрович Смирнов — он тоже из Углича — рассказывал:

— Отец у меня имел к дереву большое пристрастие. Он мог и игрушку выточить, и дом построить. От соседских заказов отбоя не было. И не отказывал никогда. Настоящий мастер — он щедрый. И меня

с младенческих лет приучал к инструменту, материалу — ведь у дерева каждая порода свой характер имеет. С пяти лет брал с собой подручным. Привыкли нас вместе видеть. И когда ушел на войну отец, продолжали люди приходить по знакомому адресу с просьбами. Хоть и трудно было мне, пацану, одному плотничать, а фамильную честь не уронил.

Анатолий Александрович так же, как и отец, умеет любую работу по дереву выполнить. Много интересного я из беседы с ним узнал. Например, раньше я думал, что плотник и столяр — это одно и то же. Оказывается, разные специальности. Конечно, можно быть универсалом и одинаково хорошо плотничные и столярные работы выполнять, но разницу между ними знать следует.

Плотники на стройке очень нужны. Как правило, они входят в комплексную бригаду, то есть в бригаду, объединяющую строителей разных специальностей. Плотники устраивают деревянные фундаменты, перегородки, каркасы и перекрытия зданий, изготавливают строительные леса.

Что же приходится на долю столяров? Они делают двери, оконные блоки, встроенную мебель, плинтусы, наличники. Работа столяра более точна и квалифицирована. Без специального помещения с верстаком и набором инструментов ему не обойтись. Столяры на стройке составляют свои самостоятельные бригады.

А теперь познакомьтесь с инструментами плотников и столяров.

Наглядное действие инструментов, а также основные столярные операции смотрите в учебном фильме.

В начале нашего урока я назвал дерево волшебным материалом. Так оно и есть.

Наши сосны, ели, пихты, дубы и кедры обладают многими достоинствами. Не случайно мастера говорят о дереве: «живое», «теплое», «свой характер имеет». И расходуют его бережно, аккуратно.

И вы, ребята, если задумаете всерьез научиться работам по дереву, зарубите себе на носу два неперемненных правила:

Первое.

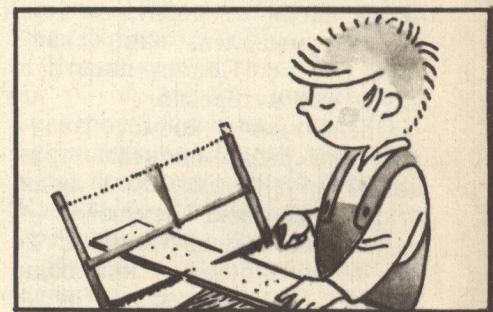
Дерево — часть нашей природы, материал драгоценный. Берегите его. Если вам нужно сделать тоненький брусочек, не пускайте на стружку целое полено. В этом поможет тщательный отбор заготовки и ее точная разметка.

Второе.

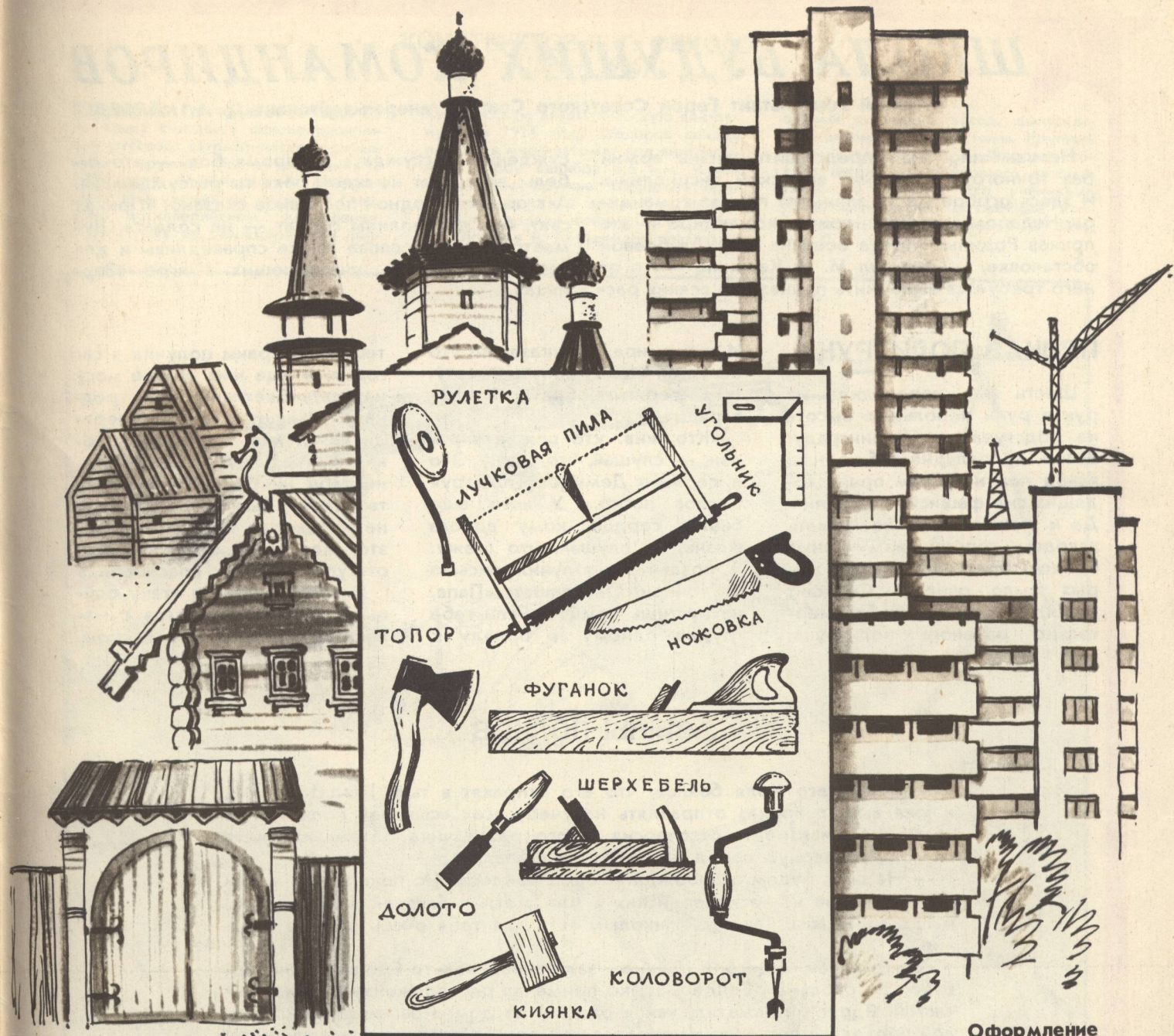
Дерево — материал совершенный. Оно требует работы красивой и чистой. Для этого нужен хорошо подобранный инструмент. Но, пожалуй, главное — любовь к делу и терпение. Если кому качество работы безразлично — нечего и за рубанок браться.

Вот так. А своими руками вы из дерева многое можете сделать: забор, полку, табуретку, щиты спортивные, настоящую полосу препятствий для подготовки к игре «Зарнице» оборудовать самостоятельно.

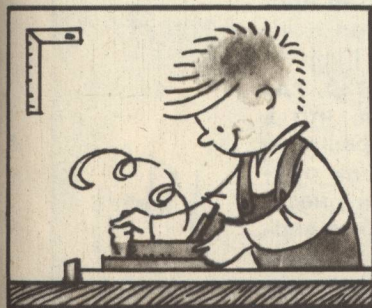
ВНИМАНИЕ! ВКЛЮЧАЮ УЧЕБНЫЙ ФИЛЬМ!

Так пилят лучковой пилой. Двигать пилу нужно спокойно, ровно, без сильного нажима.

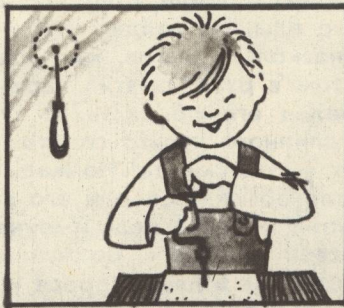
Оформление
Л. Иванова

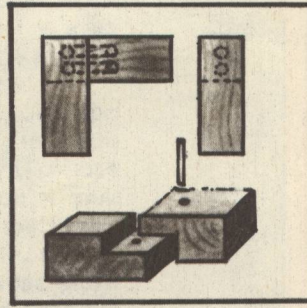
Дефекты, которые остались после пиления, устраним строганием — шерхебелем для предварительной обработки, рубанок с одинарным ножом для ровного строгания, рубанок с двойным ножом для чистого строгания. Качество проверим угольником. Вот так!

Пазы и шипы делаем при помощи долота. Деталь закрепляем на верстаке. Долото ставим фаской внутрь гнезда. И легкими ударами киянки углубляем его в древесину.

Таким образом сверлят отверстия под круглые шипы и болты. Сверление ведем по разметке, а центры отверстий накальваем шилом. При сверлении вертикальных отверстий головку коловорота держат левой рукой, а правой вращают ворот.

А это основной вид соединения деревянных деталей — шиповое. Его элементы — шип и гнездо.

ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Главный консультант Герой Советского Союза, генерал-лейтенант Д. А. МЕДВЕДЕВ

Невозможно себе представить жизнь армии без точного соблюдения воинской дисциплины. И здесь особое место занимает приказ командира. Недаром считается, приказ командира — это приказ Родины. «Когда боец на посту, в боевой обстановке, — говорил М. И. Калинин, — то от него требуется выполнить приказ без всяких рас-

суждений. Рассуждать во время боя — это гибель; ведь враг не ждет, пока ты рассуждаешь». А в одной народной пословице сказано: «Приказ свят, без дисциплины солдат — не солдат». Думается, что эти слова также справедливы и для всех юнармейцев, участвующих в игре «Зарница».

ПРИКАЗ ПОЛИТРУКА

Шесть раз переходила из рук в руки небольшая высота на подступах к Сталинграду. Вот и в последнем бою наш взвод под натиском превосходящих сил фашистов отступил. Да и можно ли было назвать взводом горстку измученных бойцов, большинство из которых было ранено? Сержант Демидов вынес на себе смертельно раненого политрука.

И тот, умирая, приказал во что бы то ни стало вернуть высоту. Тогда сержант обратился к товарищам:

«Кто жив, кто цел, кто ранен, — слушай, что скажу. Это я, сержант Демидов. Политрук Суслов погиб... У кого еще бьется сердце, кому дорога жизнь, — слушай, что скажу. Я позавчера получил письмо от дочери. Она пишет: «Папа, не пустишь немцев? Если тебе трудно одному, я приеду к

тебе». Три раны получил я сегодня. Я еще жив. Я еще могу написать Светлане: «Нет, родная, не пущу немцев. Впереди лежат мои товарищи... Может быть, и я лягу среди них, но тебе никто не скажет, что твой отец был трусом. Никто не покажет на тебя пальцем — это, мол, дочь отца, который отступил в час опасности...»

И вновь пошли в атаку бойцы и выбили фашистов с маленькой приволжской высоты.

СЫНЫ ПОЛКОВ

Больше всего Коля боялся, что его отправят в тыл. Шел 1944 год, и уже вышел приказ отправлять на учебу всех «сыновей полков». Но командир дивизиона, расспросив юного разведчика о том, как идет служба, развернул перед ним карту и сказал:

— На днях будем освобождать город Бендеры. Но пока мы не знаем расположение их артиллерийских и минометных батарей, не знаем мы и где их штабы. Так что, Николай, есть для тебя очень важное задание...

С котомкой нищего, в длинном залатанном пальто бродил Коля Горбунов по окраинам Бендер, зорко примечая расположение фашистских частей. Вдруг он заметил, как к одному из домов за кирпичной оградой подъехала легковая машина, за ней другая, третья... Там наверняка находился штаб. Очень захотелось юному разведчику попасть во двор и сосчитать автомобили. Коля подошел к часовому и знаками стал просить у него еды. Но солдат грубо прогнал мальчишку. Не успел Коля отойти и несколько шагов, как услышал за собой топот сапог. Фашист с пистолетом в руке схватил паренька за плечо и привел в штаб, где офицер велел его обыскать. И тут Коля с ужасом вспомнил, что в поле его длинного пальто спрятан маленький пистолет. Если фашисты его найдут — это смерть! Но мальчику повезло. Фрицы не нашли оружие и после обыска заперли его в сарае, около которого ходил часовой. Наступила ночь. А ведь именно этой ночью Коля должен был вернуться в свой дивизион. Во что бы то ни стало надо было бежать. Коля забарабанил в дверь, прося у часового напиться. А в руке он уже сжимал так теперь пригодившийся пистолет. Когда дверь приоткрылась, мальчик в упор выстрелил в фашиста и кинулся бежать. В родном дивизионе он был вовремя.

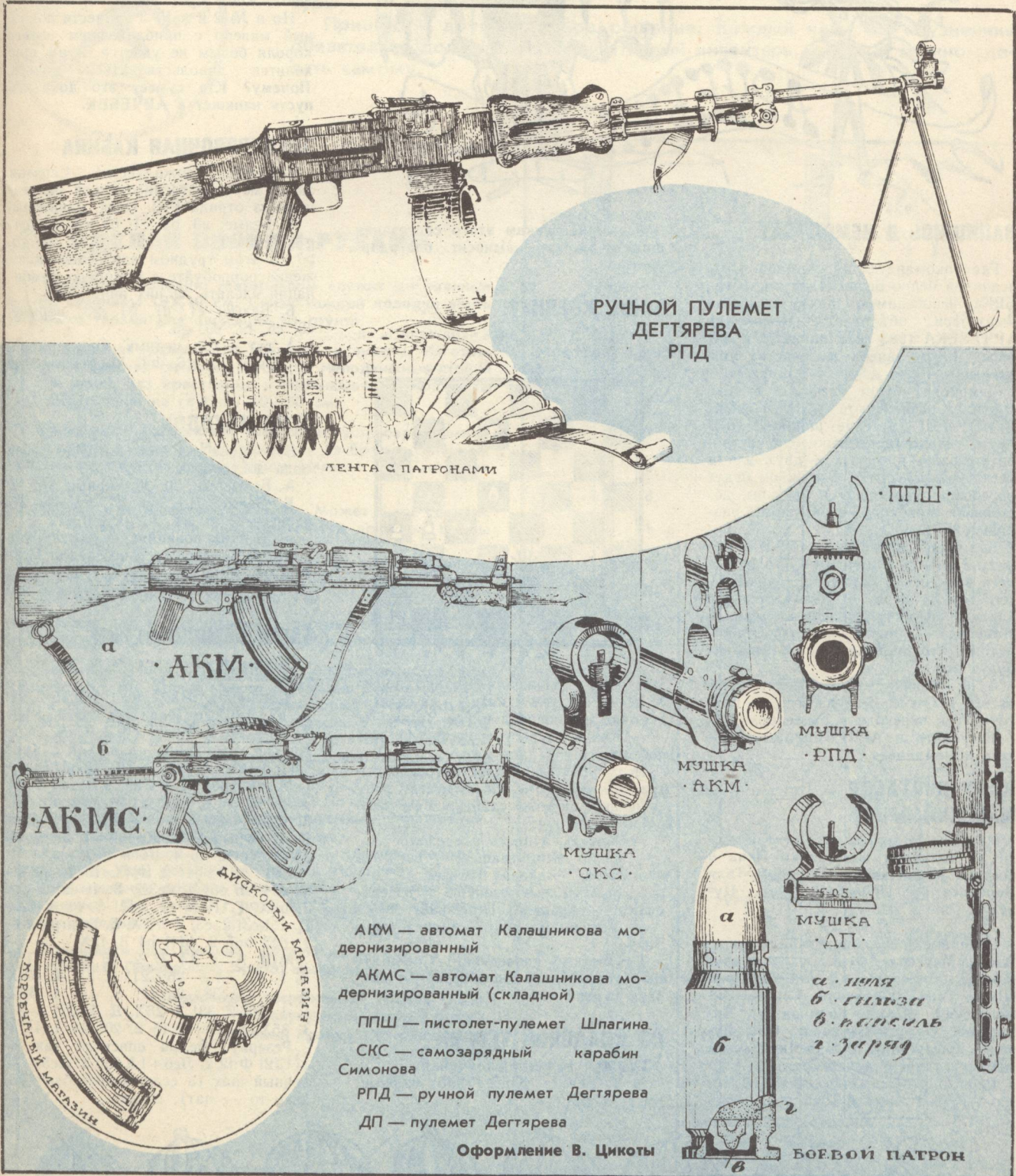
Когда осенью 1945 года четырнадцатилетний сын полка Николай Горбунов сел наконец за ученическую парту, на груди у него были орден Красной Звезды и две медали.

КОНСТРУКТОР В. Г. ФЕДОРОВ (1874 — 1966)

Владимир Григорьевич ФЕДОРОВ по праву считается основоположником русского автоматического стрелкового оружия. После окончания в 1900 году Михайловской артиллерийской академии он служил в Главном артиллерийском управлении. В 1912 году он сконструировал пер-

вую русскую автоматическую винтовку, а в 1916 году Федоров создал первый в мире автомат под винтовочный патрон калибра 6,5 мм. Автоматическое оружие Федорова применялось русской армией во время первой мировой войны. После победы Октября В. Г. Федоров возглавил

первый советский завод, выпускавший автоматы его системы. Крупный ученый, теоретик В. Г. Федоров создал школу отечественного автоматического оружия. Его учениками были знаменитые оружейные конструкторы В. А. Дегтярев, Г. С. Шпагин, С. Г. Симонов.

АКМ — автомат Калашникова модернизированный

АКМС — автомат Калашникова модернизированный (складной)

ППШ — пистолет-пулемет Шпагина

СКС — самозарядный карабин Симонова

РПД — ручной пулемет Дегтярева

ДП — пулемет Дегтярева

ЗАПИШИСЬ В ЧЕМПИОНАТ!

Главкомандующий Армией Разведчиков Черно-Белых Клеток (АРЧЕБЕК) непобедимый шахмат-адмирал Ферзьбери объявляет: **Чемпионат АРЧЕБЕКА 1983 года** начнется в январе. Прием заявок на участие уже открыт!

Чемпионат будет разыгран в трех турнирах разведчиков — ШХМ (шахматы), РШ (русские шашки), МШ (международные шашки). Участвовать можно в одном, в двух или в трех турнирах сразу. В каждом будут определены чемпионы и призеры, достойным присвоят спортивные разряды.

Кто хочет проверить себя и помериться силами с другими? Кто не боится вступить в борьбу? Если это — ты, возьми перо, открытку и пиши заявку: «Прошу включить меня...». Написал — считай, что ты принят, потому что включены в Чемпионат будут все.

А не умеющие играть могут записаться в Отряд резерва, где их подготовят к переходу в разведчики.

Вступайте в АРЧЕБЕК! Включайтесь в Чемпионат-83!

КОМУ ДОСТАЛСЯ МАЙСКИЙ ПРИЗ?

Награды за этот конкурс («Костер» № 5) получают разведчики **Лена и Лариса Карнауховы** (Тюмень), **Толя Воробьев** (с. Пичаево), **Слава Цуцеров** (пос. Стрелка).

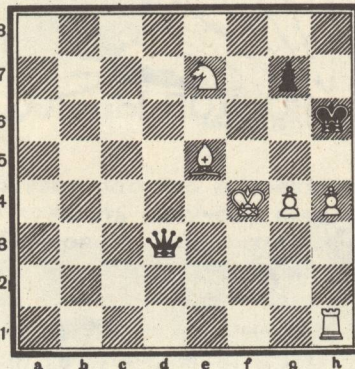
Отличные донесения прислали также **Алеша Мессерле, Федя Суворов**, кружок Дома пионеров в п. Морки, **Юрий Шура, Таня Пайшиковы, Сережа Заболотский, Володя Клочков, Л. Чупракова, Володя Самсонов, Олег Бутенко, Света Рост, Володя Якубовский** и многие другие архебековцы.

Верный ответ: мат дается в 3 хода — 1. с8Л Крг4 2. Лс5 и т. д.

Всем участникам этого состязания шахмат-адмирал выносит благодарность.

ВАШЕ МНЕНИЕ?

Незнай и Полузнай сражались, а Знай наблюдал.

В этом положении Незнай пошел 1. h4—h5. Затем схватился за голову, вскочил и зашептал в ухо Знаю:

— Какую глупость я сделал! Он мне сейчас пешкой даст мат.

И тут Полузнай действительно сыграл 1... g7—g5+. Но, отпустив руку от пешки, он тоже схватился за голову и вскрикнул:

— Какую глупость я сделал!

— Если выигрываешь, хоть не издевайся, — сказал Незнай.

— Это ты выигрываешь и издеваешься, — возразил Полузнай.

— Выигрывает он, — подвел черту Знай.

Доблестные разведчики! Сообщите шахмат-адмиралу Ферзьбери — о ком Знай сказал «он»?

ИЗ КЛАДОВОЙ ТЕОРИИ

Вот три важных окончания.

№ 1. Белые: Крf6, Фд6; черные: Крс2, п. а2.

№ 2. Белые: Крf6, Фд6; черные: Крс2, п. а2.

№ 3. Белые: Крf6, Фд6; черные: Крб2, п. с2.

Могут ли белые не допустить, чтобы черная пешка, сделав еще шаг, стала ферзем? В № 1 — могут. Смотрите:

1. Фс5+ Крд2; Фб4+ Крс2; Фс4+ Крд2; Фб3! Крс1; Фс3+ Крб1; Кре5! (белые загнали короля черных под пешку и теперь, пользуясь этим, приближают своего короля) Кра2; Фс2 Кра1; Фа4+ Крб1; Крд4 Крс1; Фа3 Крс2; Фс3+ Крб1; Крс4 Кра 2; Фа5+ Крб1; Крб3 Крс1; Фе1X.

Но в № 2 и в № 3 провести подобный маневр с приближением своего короля белым не удастся, и им приходится довольствоваться ничьей. Почему? Кто сумеет это доказать, пусть напишет в АРЧЕБЕК.

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Заходите, пожалуйста! Сегодня здесь могут потренироваться разведчики из отряда РШ. Итак, начинаем!

А. Белые: а3, б4, с1, с3, с5, д4, г1, г3; черные: а7, с7, д8, е5, е7, ф6, г5, г7. В этом трудном для белых положении попробуйте с помощью комбинации сделать за них ничью.

Б. Белые: с1, е1, г1, г3; черные: с3, с5, с7, е3, г5.

А тут — ход черных. Они намерены пойти 1... г5—h4. Хорош ли этот ход?

СТОЛ НАХОДОК

Вот какие две позиции МШ были доставлены.

А. Белые: 27, 30, 36; черные: 16, 17.

Б. Белые: Д.1, пр. 22, 27, 28, 36; черные: Д.50, пр. 6, 10, 20, 37.

— В этих позициях белые должны победить! — решительно заявил Петя Крутов. Многие стали возражать, но он свое доказал. Как он это сделал?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 8 решаются так:

Чемпионат. ШХМ. А. 1. h5! f5 2. f4!

Б. 1. Лf8! g6 (если g5, то 2. Кh5)

2. Ке6. **В.** 1. Крс8! с5 2. Са8! с4 3. Крб7! **Г.** Выигрыш — 1. а5 Сf8 2. Крд5 Сh6 3. g5+! и т. д. **Д.** Выигрыш —

1. б6+! Крб8! 2. h4 а5 3. h5 а4 4. h6 а3 5. h7 а2 6. h8Ф а1Ф! 7. Фг8! Фа2

8. Фе8! Фа4 9. Фе5+ Кра8 10. Фh8!

Е. Выигрыш — 1. Крс5! d4 2. Крс4! d3 3. Крс3! с5 4. h4 и т. д.

РШ. А. 1. б4! 2. d4!X. **Б.** 1. g5! h4 2. ed4! 3. с5! 4. de3X. **В.** 1. d2! 2. g3!

3. б8X. **Г.** 1. f6! 2. cd2! 3. е3 4. f2X. **Д.** 1. bc3! 2. c3! 3. h4!X. **Е.** Выигрыш —

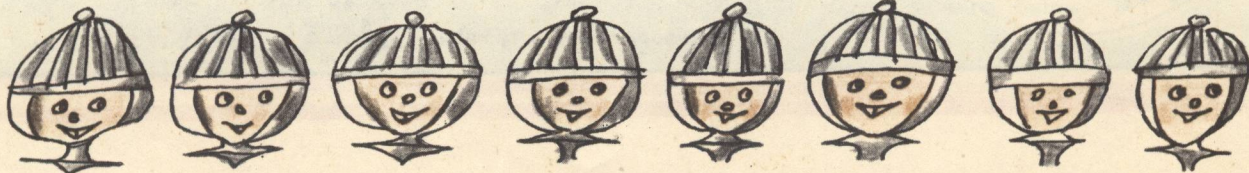
1. dc3 bc7 2. fd4! h4 3. f2X.

МШ. А. 1. 14 37 2. 10 28 3. 41!X. **Б.** 1. 32! 44 2. 26—21! 3. 21! 4. 49!X.

В. 1. 43—38! 2. 21! 3. 11! 4. 32X. **Г.** 1. 30! 2. 33! 3. 26X. **Д.** 1. 22! 2. 24!

3. 35X. **Е.** 1. 10! 15 2. 20! 24 3. 44!X.

Резерву. Белые спасутся так — 1. Cf2! Ф:f2 2. Лс6+! Крб5 3. Лс5+ — вечный шах (а если черные бьют ладью, то — пат), ничья.

Совет спортклуба «Кузнечик» принял решение о проведении IV Всесоюзных соревнований юных прыгунов и спринтеров. Всесоюзный финал будет проведен в Ленинграде, в январе будущего года, во время зимних каникул. К участию в финале допускаются более двухсот спортсменов из многих городов и поселков нашей страны. Последний срок подачи заявок и присылки выписок из протоколов школьных соревнований, заверенных печатью и подписью тренера или учителя физкультуры — 1 декабря.

Принято и другое важное решение: Каждый член СК «Кузнечик» обязательно должен иметь спортивный инвентарь, который можно сделать самому.

СДЕЛАЙ СВОИМИ РУКАМИ

1. Стартовые колодки. Материалом служит деревянный брусок сечением 10×10 см. Снизу каждой колодки вбить по четыре гвоздя для фиксации на грунте.

2. Переносная стойка для прыжков в высоту. Изготавливается из брусков сечением 8×6 см. Неподвижные стойки изготавливаются без крестовины и вкапываются у края ямы для приземления на глубину 40—50 см.

3. Рейка для измерения высоты и установки планки при прыжках в высоту. Изготавливается из бруска сечением 5×3 см. На одну из сторон прикрепляется сантиметровая лента.

4. Планка для прыжков в высоту. Может быть сделана из алюминиевой трубки диаметром от 2 до 4 см. Концы планки сплющить.

Планки могут быть деревянными, треугольного сечения. Острые грани закругляются.

Длина планки от 3 м 74 см до 4 м.

5. Брусок для отталкивания в прыжках в длину. Снизу бруска прибиваются дощечки для лучшей фиксации в грунте.

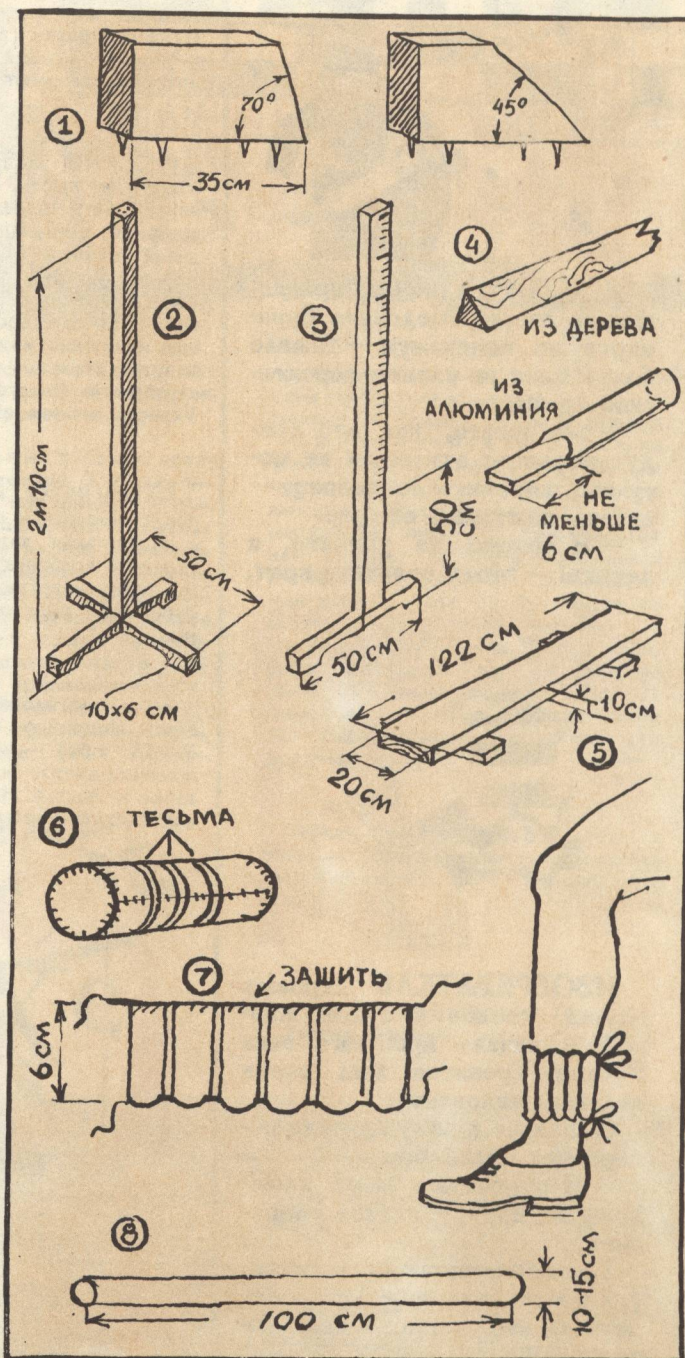
6. Набивные мешки. Изготавливаются из брезента или другой плотной ткани. Длина мешка 35—40 см. Диаметр 25 см. Сперва пришивается доньшко, затем сшивают продольную сторону. На дно мешка кладется ветошь, 6—8 см, затем насыпается песок и снова ветошь. После этого пришивают крышку. Для прочности мешок обвязывают тесьмой. Вес мешка от 2 до 5 кг.

7. Манжетки. По две в комплекте. Применяются в качестве отягощения во время тренировочных упражнений. Для чего прикрепляются к низу голени.

Взять кусок плотной ткани 30—25 см, сложить пополам и прострочить, как указано на рисунке. Наполнить образовавшиеся мешочки дробью (равномерно и не очень плотно) и зашить. Вес от 500 г до 1 кг. К концам манжетки пришить тесемки.

8. Бревнышки для метаний. Делают из материала круглого сечения. Поверхность чисто обстругать и зачистить.

Подготовил заслуженный тренер СССР,
заслуженный мастер спорта,
главный тренер СК «Кузнечик»
Э. И. РОХЛИН

Рисунки
Ю. Беломлинской

МАТЕМАТИК Боссюэ опасно заболел. У его постели собрались друзья.

— Да он уже не дышит! — сказал кто-то.

— Подождите, я спрошу его, — перебил доктор. — Боссюэ, квадрат двенадцати?

— Сто сорок четыре, — прошептал больной.

ДОКТОР Гедис был приглашен во дворец Людовика Бонапарта на консилиум — тяжело болел один из членов королевской семьи.

— Без шпаги, как это предсказывает этикет, я не могу вас впустить во дворец, — сказал дежурный офицер.

— Я пришел не убивать, а лечить! — гордо возразил врач.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ паровых машин, котлов и судов, живший в начале прошлого века Ричард Тревитик, был очень сильным человеком.

Однажды к нему привели помериться силой борца.

— Я отпечатаю вашу шевелюру на полу, — заявил спортсмен.

Тревитик промолчал, схватил противника за талию и отпечатал его подошвы на... потолке.

СОВЕТЫ МАШИ ИСКУСНИЦЫ

Подготовься заранее к школьному карнавалу. Я помогу тебе.

Для костюма **БУДЕНОВЦА** даю выкройку буденовки. Ее можно сшить из плотной ткани или склеить из ватмана. На косovorотку (поищи дома, спроси у друзей!) нашей красные петлицы, которые называют «разговоры».

РУССКИЙ ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ состоит из кофты, сарафана и кокошника. Сшить сарафан просто: выкройка — это усеченный конус. Перед отдели полосой из другой ткани или тесьмой, нашей пуговицы или бусы (можно елочные). Отличный сарафан получится из старого халата. Картонный кокошник можно раскрасить, обтянуть тканью, обклеить золотой, серебряной бумагой и нашить бусы. Украсит костюм ожерелье.

СКОМОРОХУ нужен мягкий колпак, одноцветные рейтузы и футболка с пришитыми заплатками из разной ткани и воротник из треугольников. На концы воротника и колпак пришей бубенчики, колокольчики или помпоны.

Ты и сама можешь «сочинить» костюм. Например, костюм **РОЗЫ** или **МАКА**: юбка — лепестки, на голове шапочка-цветок или венок, по кофточке — листья. На рисунке показано, как сделать цветы.

Если у тебя нет бус для костюма, обрати внимание на цепь из картона, обклеенного золотой бумагой, бусы из мятой фольги и бумаги. Для бумажных бус вырежи длинные треугольники из цветной бумаги или яркой иллюстрации старого журнала, плотно накрути на спицу, конец треугольника приклей. Готовые бусы покрой лаком. Бусы делают из семечек тыквы и дыни, яблочных косточек; можно их покрасить.

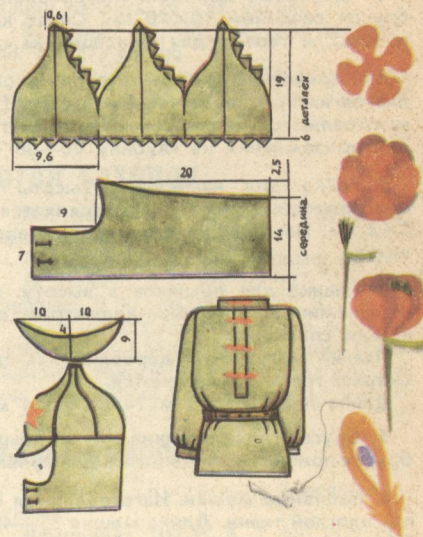

Рисунок Т. Петуховой

3? СЕМЬЮ ПЕУАТЯМИ

Оформление А. Януса

Наши путешественники, продолжая изучение далекой восточной страны, отправились за город и попали в удивительную рощу, состоящую из... одного дерева. От главного ствола тянулись толстые сучки, из которых вырастали особые отростки. Достигая почвы, отростки укоренялись, утолщались и превращались в настоящие стволы. Таких стволов в роще насчитывалось более тысячи!

— Как называется это дерево? — спросил юнга Румбик.

— Это — родной брат нашего обычного комнатного растения, — объяснил капитан Разгадайка.

О каком дереве идет речь?

Присев отдохнуть на опушке рощи, кок Чайнвордыч принялся обстругивать палку. К нему подошел боцман Дваждыдва.

— Скажи мне, — обратился Чайнвордыч к боцману, — почему острый нож режет лучше, чем тупой?

Дваждыдва долго раздумывал, но так и не смог дать ответа.

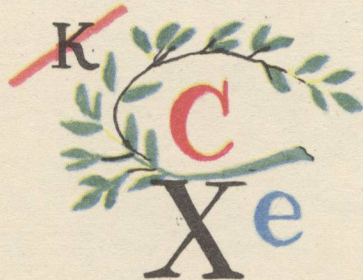
Помогите боцману.

Этот зоологический кроссворд кот Ангенс решил в течение получаса. Попробуйте это сделать и вы.

По вертикали: 1. Самое крупное наземное животное. 2. Млекопитающее, живущее под землей. 3. Животное из семейства куных. 4. Лесная птица. 5. Крупное лесное животное. 6. Тропическое насекомое. 9. Млекопитающее животное из отряда приматов. 10. Ядовитый паук. 14. Крупное млекопитающее из отряда непарнокопытных. 15. Крупная птица. 16. Грызун, обитающий в тропических лесах Центральной и Южной Америки. 17. Крупное хищное пресмыкающееся. 18. Речная рыба. 20. Огром-

ное ископаемое животное. 23. Индийский узкорылый крокодил. 28. Лесной хищник. 30. Птица с длинным клювом.

По горизонтали: 3. Гиппопотам. 7. Ночная птица. 8. Ценный пушной зверь. 11. Белый кит. 12. Австралийское млекопитающее. 13. Яркая окрашенная птица. 15. Дальневосточная сельдь. 19. Пресмыкающееся. 21. Ядовитая змея. 22. Самый опасный хищник Азии. 24. Вымершая новозеландская птица, похожая на страуса. 25. Небольшая охотничья собака. 26. Хищный зверь. 27. Северная рыба. 29. Водоплавающая птица. 31. Морской рачок — пища для китов. 32. Парнокопытное животное. 33. Вредный грызун.

Перед отплытием шхуны «Икс» к родным берегам капитан Разгадайка составил мини-ребус. Расшифруйте его.

**ОТВЕТЫ
НА ЗАДАНИЯ № 10**

Задача Бхаскары: искомое число 48.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), О. С. КУЗИН, О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор М. Е. РОШАЛЬ

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

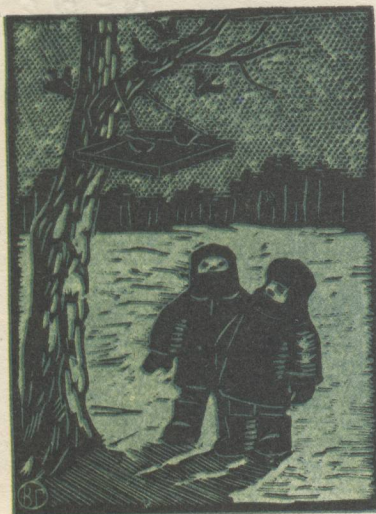
М-19837. Сдано в набор 05.08.82. Подписано к печати 10.10.82. Формат 60×90/16. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. *Уч.-изд. л. 7,6. Печать офсетная. Тираж 760 000 экз. Заказ 5023. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

2 1-22

ЗИМА. ДЕТИ. Сергей Зайцев, 12 лет.

У КОРМУШКИ.
Вова Гусаков, 15 лет.

МАМА, ПАПА И Я.
Таня Астафьева, 12 лет.

ХОККЕИСТЫ

Ира Бодрова, 12 лет.

В этом номере мы напечатали очерк Василия Манзи «Снег на полях — хлеб в закромах».

Быть может, ты и не обратил внимания на то, что автор еще и художник. Страница украшена гравюрой его работы.

Гравюра — труднейший вид изобразительного искусства. А Василий Манзя не только гравюрует сам, но и учит этому ребят — он преподает в детской художественной школе в Казахстане, в городе Петропавловске.

«Костер» печатает работы его учеников.